

Глава 1

Плохие приметы

В любом областном центре вроде нашего всегда найдется узенькая улочка, заросшая старыми тополями. Пыльная, с бугристым асфальтом и застоявшимися лужами. По обе стороны от непроезжей дороги прячутся за деревьями посеревшие от времени деревянные домики, и их окошки удивленно смотрят на вас от самой земли.

По такой улице хорошо гулять тихим летним вечером. Неспешно проходят бабушки с клетчатými авоськами, крадутся в траве встрепанные кошки, а тополя пристально вглядываются в свою же легкую тень на утопанной земле.

Я неслась по такой улочке в потоках дождя – решила срезать путь от автобусной остановки до дома. Все у меня не как у людей. Вода бурлила и пенилась где-то у моих колен, я промочила не только ноги и подол юбки, но и все остальное. Корни старых тополей – великая сила. Говорят, бетонные плиты из земли выворачивают. Каблук, во всяком случае, они снесли мне начисто. Будто ножом отрезали. Я пристально вгляделась в водовороты на асфальте, но каблук где-то пошел ко дну. Улица постепенно превращалась в полно-

водную речку и скромным, но сильным водопадом вливалась в проспект, на котором стоял мой дом. Видимо, босиком придется домой идти. Без обуви в дом войти – три года неурожай. Не самая хорошая примета. А уж сломать каблук на новых туфлях – и вовсе скверная.

Я вынырнула на другом берегу проспекта, хромая подошла к ближайшему дереву и там оставила оба своих сабо носками к стволу. Скользя по грязи и проклиная юбку, плотно облепившую ноги, добралась до своего подъезда. Отжала подол, поднялась на свой этаж и ворвалась в квартиру. Заляпанная грязью по колёно и мокрая целиком, я первым делом кинулась к телевизору. Надо же – не опоздала. Анька всю неделю напоминала мне, чтобы я обязательно записала ей «Разум и чувства». Едва я сунула в зубы магнитофону чистую кассету, как на экране высветилась знакомая фигурка в синей тоге. Я на секунду замерла в победной позе, очень довольная собой. Теперь, если только ближайшим соседям не придет в голову именно сейчас включать пылесосы и ничего не случится с электричеством (а в нашем доме всякое бывает), то Анька завтра осчастливится своей кассетой.

У Аньки я давно и прочно нахожусь под каблуком. Она помыкает мной, со-

вершено не задумываясь. Дает всякие поручения и таскает за собой, когда ей нужна компания. Даже не знаю, изменится ли что-нибудь, если мы перестанем работать под одной крышей. Главное увлечение, даже, можно сказать, смысл жизни, который Анька обрела, как только ей стукнуло тридцать, – это занятие собственным здоровьем. Этому она посвящает все свои силы, почти все свободное от работы время и две трети зарплаты. Другие люди выкраивают пятнадцать минут в неделю, чтобы сбежать к массажисту или в клуб здоровья. А ипохондрии предаются исключительно в пятницу вечером под бутылочку пива с двумя-тремя благодарными слушателями из числа особенно близких друзей. Анька же возвела медицинские проблемы в культ. Она все время сбегает с работы, чтобы пойти то мануалу, то к гомеопату, сдает всевозможные анализы и с ужасом ждет результата, таскает с собой кучу таблеток в сумке, не ест сладкого и приобретает всевозможные лечебные средства такими же темпами, какими любая нормальная женщина приобретает косметику, – начиная с китайских чаев и заканчивая пчелиными кашками в уксусе. Всем этим она добросовестно злоупотребляет, стараясь не перепутать, что надо глотать, а что мазать на себя, и не забыть, что, когда и сколько принимать. Даже на день рождения я подарила ей термос – заваривать травки. Поражаюсь ее несокрушимому здоровью – любой другой на ее месте обязательно бы заболел. А она даже не худеет. Хотя питается, по-моему, исключительно таблетками и кислой капустой. Как известно, эта самая капуста не только лучшая в мире закуска (Анька принципиально не пьет даже пива), но и гипоаллергенная пища.

Раз в месяц Анька обязательно ходит лечить свои зубы. Я как-то подсчитала, что каждый зуб она уже вылечила раз по пять, не меньше. Или они растут у нее в пять рядов, или уже достигли прочности Терминатора. Даже завидую – с такими зубами она запросто перегрызет горло любому встречному крокодилу.

Правда, с недавних пор на меня снизошла благодать – Анька всерьез увлеклась музыкотерапией. И теперь на работе сидит весь день в наушниках и не сообщает мне все время, где и что у нее болит. С заткнутыми ушами, увлеченная каким-нибудь сайтом с медицинскими консультациями, она почти очаровательна.

Я убедилась, что запись идет нормально, вздохнула с облегчением и пошла в ванную, спотыкаясь по дороге об своего оголодавшего кота.

Все странные и загадочные события в моей жизни начались на следующий день.

Когда утром я выскочила из подъезда – всего минут на десять позднее, чем надо было для того, чтобы попасть на работу вовремя – дорогу мне перебежал монах с большим мешком за плечами. Я оторопела. В наше время и тетку-то с пустыми ведрами встретишь не часто, а уж служителя культа... С утра монаха встретить – не к добру, вспомнила я одну из старинных бабушкиных примет. Хотя в моем случае все объясняется, конечно, просто. Неподалеку от моего дома собор новый строят, видимо, туда и поспешал человек. Меня в детстве учили – несешь пустое ведро, обязательно положи туда хоть что-нибудь. Пакет, свернутую газету – любую ерунду. Ведь тогда ведро уже не будет пустым. Интересно, что делать монаху в такой ситуации? Рясю подоткнуть, что ли?

Я только плечами пожалала вслед уходящему автобусу. Сегодня мне было абсолютно не важно, успею я на работу вовремя или нет. Я шла туда увольняться.

Как оказалось, кто-то когда-то замолвил обо мне слово, и меня готовы взять на вакантное место. Оклад средний по фирме, но я могу рассчитывать на повышение. Переговоры о работе я вела сдержанно и с достоинством, но, придя домой, немного повизжала и попрыгала от избытка чувств. Одним словом, через три недели самая роскошная рекламная фирма была готова принять меня в свои ряды. И я поспешила с увольнением.

Я радовалась незапланированному отдыху, как ребенок. Стояла вторая половина июля, самое время отпусков и приключений. Дядюшка моей лучшей подруги Лельки, очень влиятельный человек, выделил нам две путевки в дом отдыха от своего завода. Путевки нам перепали на полсезона – две недели, зато это были две недели в горах у озера. Примерно пятнадцать лет назад я ездила к этому озеру. Родители отправляли меня в пионерский лагерь. Мне даже интересно было, узнаю ли я там хоть что-нибудь?

Ну, разве могли в то время напугать меня какие-то там плохие приметы? Пусть за мной гонится толпа монахов и теток с ведрами в сопровождении целой стаи каркающих ворон! Меня ждет озеро в горах, а потом прекрасная интересная работа. Я ничего не боюсь. Выйдя из автобуса, я споткнулась и глянула под ноги. Нет, ну так нельзя! Поперек дороги лежал длиннющий ржавый железный гвоздь. И я на него, конечно, уже наступила. Весь день я была слегка не в духе. Почему именно в этот день надо обращать внимание на всякую ерунду? По-моему, это называется зацикленность. Если вечером у подъезда выскочит черная кошка – догоню и покусую.

Дома вовсю трезвонил телефон.

– Ну, что, уволилась? – проорала Лелька прямо мне в ухо.

– Обязательно! – в полном восторге от себя самой запищала я.

Бухгалтерша была столь любезна, что выдала мне компенсацию за неиспользованные отпуски. Это оказалось весьма кстати. Я зашла в магазин и приобрела себе новый купальник – того единственного коричневого цвета, который мне нравится. Цвета спелого каштана, шоколада и лакированного дерева. Купальник шел мне изумительно. Настроение поднялось. Сегодня и завтра собираем сумки, а послезавтра с утра – вперед на пригородный автобус.

Я уже выложила из шкафа кучу вещей, пытаясь выбрать, что же мне с собой взять. Джинсы и белые брюки, блузки, кофточки, топики, свободная длинная юбка – последний писк моды в нашем захолустье, напрямик из Кореи... Пиджак, колготки, толстая кофта... Я как раз раздумывала над парой шерстяных носков, когда позвонила Лелька. И сейчас еще стояла, глядя на них, – с одной стороны, все-таки не зима, но если я промочу ноги, то лучше средства не найти. Хотя, опять же, я загорать еду, а не на лыжах ходить. Придерживая телефонную трубку плечом и почти не слушая Лелькины вопли, я выглянула в окно, прямо в бескрайнее лучезарное небо. Оно посылало на землю потоки зноя – но ведь в наших краях все может измениться в считанные дни, а то и в несколько часов. Сгорая со стыда, я скомкала носки и запихнула их в дальний угол сумки (там они и пробудут, забытые, до тех пор, пока я не вернусь и не начну дома разбирать багаж).

– Что ты там делаешь вообще? – вдруг спросила Лелька.

– Сумку собираю.

– Бросай это дело! Идем в клуб!

– Зачем?! – ужаснулась я, выпуская из рук стопку чистых трусов.

– Праздновать твое освобождение с галер!

Лелькин оптимизм меня всегда пугает. Я-то уже начала раздумывать, не ждут ли меня на новом месте галеры пострашнее прежних.

– Я не могу, я вещи еще не сложила.

– Завтра сложишь! Бросай все – и бегом. Через двадцать минут подхожу к твоему подъезду. Не заставляй меня подниматься на пятый этаж.

Я сорвалась с места, как будто Лелька укусила меня прямо через трубку. Шкаф, волосы, ванная, хватаю по пути косметичку... словом, через четверть часа я выскочила за дверь, лихорадочно вспоминая, все ли отключила и закрыла. Еще не

хватало испугать себе вечер, постоянно думая об утюге или себе краше на кухне.

* * *

Вечер явно удался. В какой-то момент я перестала обращать внимание на время и стала помнить только о своей сумке и о том, что я заначила в одном из брючных кармашков деньги на такси.

Туалет в этом клубе находился на самой верхотуре, на третьем этаже. Это какая-то странная закономерность наших ночных заведений – удобства обязательно или на вышке, или, наоборот, в подвале. Одним словом, в первый раз навестив комнату для девочек, я съехала по ступеням прямо под ноги молодому официанту. Он, похоже, не рассердился и не испугался. Должно быть, дамы тут часто именно таким образом возвращаются в зал. Однако сияк будет.

Второй раз я навернулась, когда уже стемнело и начался дождь. Лестница быстро стала довольно мокрой, так как народ приходил и уходил, а некоторые в силу привычки бежали на улицу покурить. Я встретила наверху знакомых, немного поболтала и решила быстренько сбежать к Лельке. Увидев, как я грохнулась, Лелька кинулась ко мне с перекошенным от ужаса лицом. Да, это не лестница, это прямо горка какая-то!

Но внимание публики тут же привлекла к себе девушка с шикарным декольте. Она вообще пользовалась большим успехом, так как декольте позволяло видеть почти все, что ей щедро выделила природа. В целом это почему-то сильно напоминало два арбуза в авоське, но посмотреть там было не что. И вот очередной кавалер танцевал с ней так самозабвенно, что не только уронил девушку с бюстом на пол, но еще и сам на нее упал.

– А что, неплохая реклама для клуба, – вслух подумала я, – «у нас танцуют до упаду!»

Черт меня дернул за язык! В третий раз я сверзилась с лестницы с шумом и грохотом, даже удивительно, что ничего не сломала, хотя и видела совершенно отчетливо, как перила совершили полный оборот два раза. Надо мной склонились перепуганные лица – из них ни одного лелькиного. Не люблю я эти ночные клубы. И лестницы у них какие-то... неправильные.

Через пятнадцать минут я убедила взволнованных зрителей, что со мной все в порядке, и направилась к Лельке, которая оживленно болтала с каким-то парнем.

– Ты что, не видела, как я упала?! – почти заорала я.

– А... извини. Я не заметила. Подумала – вот опять кто-то с лестницы ссыпался...

– Этот «кто-то» опять была я! – обиделась я и пошла к свободному стулу. Такое потрясение срочно нужно было залить коктейлем. Я привалилась спиной к стойке и тут услышала знакомое название озера. Прислушалась – действительно говорят о курорте, на который я еду послезавтра (завтра ни за что не стану пить!) У самого бара, прямо рядом со мной, сидели две сильно подвыпившие дамы среднего возраста.

– Да... позагорал после обеда и пошел купаться. Здоров был с утра как бык. Скажи – несчастный случай.

Я насторожилась.

– У нас поговаривали, что он просто утонул.

– Да какой там утонул! Врачи сказали – перегрелся на солнце, а потом полез в воду. Давление, мол, у мужика, всякое такое... А какое давление – он молодой совсем. Хотя и толстый был.

Я стала слушать еще внимательнее, жалея, что не подошла к дамам раньше. Может, спросить у них поточнее, где это было?

– Теперь, наверное, на то место никто ехать не хочет.

– Да нет, как-то замяли всю историю.

И не успела я вздохнуть с облегчением, как дама у стойки серьезно сказала:

– А я вот что тебе скажу: убил его кто-то.

Глава 2

Две недели у озера

Лето в наших широтах редко бывает очень теплым. Но уж если расщедрится, то мало никому не покажется. С солнцем на отдыхе нам кошмарно повезло. Уже через три дня пребывания около воды мы были такие оранжевые, словно прожили половину жизни в Центральной Африке. К счастью, кремы и лосьоны для загара мы с Лелькой начали коллекционировать где-то с восьмого марта, так что шкура у нас в этом году не слезла, да и загар оказался на диво ровным.

Наконец настал такой день, когда на улице буквально нечем стало дышать. Мы спрятались за занавесками в своей комнатухе и стали планировать, чем займемся во время грозы и после грозы. Я лично предлагала сразу же после дождя отправиться на рыбную ловлю. А Лелька все надеялась вытащить меня в горы. До сих пор мы верхолазаньем не занимались – слишком было жарко, мы бы изошли потом или получили тепловой удар.

Гроза разразилась ночью и вырвала нас из первых сладких снов. Несколько часов мы глазели в окошко и радовались наступившей прохладе. Но когда хлынул дождь, оконные рамы пришлось прикрыть – иначе утром у нас на полу было бы по колено воды, а уборщица такое безобразие явно не потерпит.

Лелькин дядя выдал нам действительно приличные путевки. Были у нас и шторы, и покрывала, и даже ковер. И санузел целиком в нашем распоряжении. А когда мы уходили на завтрак, к нам в комнату пробиралось некто. Я нашу уборщицу всерьез подозревала в родстве с домовым. Мы за все две недели так и не узнали, как она выглядит, зато порядок эта милая дама наводила отменный, и мы с Лелькой были в душе ей очень благодарны.

После завтрака мы обычно брали свои полотенца, натирали друг друга густыми и липкими средствами, создатели которых, правда, каждый год обещают нам, что все будет нежирное и не липкое. Однако я, как правило, где ни сяду, там и прилежусь. С полотенцами наперевес мы неслись заниматься на пляже лучшие лежаки, а потом дремали на них до тех пор, пока кто-то таинственный, ведающий музыкальной точкой, не подавал нам первый звонок к обеду. Он включал веселую и зажигательную отечественную поп-музыку. Уж лучше бы он «Пионерскую зорьку» включал! Мы наспех окунались в озеро и поспешно уходили с пляжа, а наши нагретые лежаки доставались людям с более крепкими нервами.

Лелька, присев за стол со своими тарелками, принималась мурлыкать «замечательный мужик меня вывез в Геленджик» или «мишки Гамми – редкие животные». Одним словом, нам было очень весело.

Никто в нашем доме отдыха, да и в соседних тоже, ни про какой несчастный случай не говорил, а про убийство – и подавно. Никто не шептался, что кого-то подозревает. Никто не показывал «то самое место» на пляже. Поначалу я еще прислушивалась к разговорам, но потом махнула рукой. Здорово набрались те две тетки в ночном клубе – вот и болтали всякую чушь. Пересмотрели «Каменскую» и «Чисто английские убийства». Или все это давным-давно было?

Наутро после дождя погода была удивительно хорошая. Лельку со страшной силой потянуло вверх. Мы облачились в джинсы и кроссовки, собрали себе бутербродов, чтобы съесть их на горе, и пошли в поход. Разговор у нас почему-то сразу начался про Аньку. Лелька отчитывала меня за то, что я у Аньки на посылках да еще и виноватой себя считаю. Я отстаи-

вала бедную Аньку и говорила, что она вообще-то девчонка ничего, только с приветом.

– А ты помнишь, как она нас на день рождения позвала, а сама ничего не успела приготовить?! – с торжеством спросила Лелька. – Мало того что зануда, еще и готовить не умеет!

– И правда, не умеет, – я вспомнила, как Анька нервно крошит скрюченные трупики огурцов или подвергает китайским пыткам сосиски.

Аньку мне было даже жалко. Воюя с продуктами, она не позволяла себе помогать. А у меня всегда так руки и чесались. С Лелькой мы пришли к выводу, что умение готовить – это тоже талант. Вроде как петь или рисовать. Одним людям это дается запросто, а другие учатся-учатся – и ничего у них не выходит.

– Вот, возьмем, например, варенье... – начала я и замолкла – прямо передо мной высился роскошный малинник. Яркие алые ягоды светились, как фонарики, их было невероятно много.

Я опустила руку на камень и решительно сказала:

– Все. Я дальше не пойду. Ты как хочешь, а я не пойду. Я уже нашла все, что мне надо.

Лелька пыталась было спорить, но потом мы просто решили разделиться. До вершины уже недалеко, пусть сходит сама и посидит там, как Будда, а я пока соберу малину. Как раз хватит на десерт вечером – с молоком и сахаром.

Чтобы освободить мне тару, мы переложили все бутерброды в один пакет. Лелька отправилась дальше к облакам, а я стала протесывать малинник. Время шло незаметно, я была в превосходном настроении. С детства люблю собирать ягоду. А тут свежий воздух, погода отличная, солнышко светит, тепло, но не припекает.

Мою идиллию разрушили голоса. Конечно, солнышко светит и все такое, но я все-таки одна. А вдруг какая пьяная компания? Голоса приближались ко мне. Говорила мне мама не ходить по горам в одиночку! Я начала паниковать. И почему я родителей никогда не слушаюсь? Еще две минуты – и неизвестные люди выйдут прямо на меня. Я присела и двинулась в кусты. Голоса звучали совсем близко, сидеть мне было страшно неудобно, да еще какая-то колючка впилась прямо спину. Причем в таком месте, где рукой не достать. Переждать бы этих людей... А что если они позарятся на мою малину и пожелают остаться? Тогда как быть? Выползти из кустов задом и представиться? Вдруг один из голосов показался мне смутно знакомым. Словно любопытный

суслик высунулась я из зарослей и нос к носу столкнулась со своим бывшим одноклассником.

– Настька! Это ты?! – радостно заорал он, как будто мы виделись только вчера на большой перемене. А ведь со времени нашей последней встречи минуло уже больше десяти лет. Неужели я так мало изменилась?

Я страшно обрадовалась. В старших классах мы с Петром сидели за одной партой. Он как настоящий джентльмен носил все учебники, а я беззаботно позволяла ему списывать все, что только можно. Поэтому жили мы душа в душу и выгораживали друг друга перед всеми учителями.

Следом за Петей ко мне подошли еще трое знакомых – один из нашего класса, а двое из параллельного. За приятными разговорами, вспоминая школьную молодость, мы вместе набрали целый пакет малины и съели примерно столько же. И тут с горы спустилась Лелька. Я не стала узурпировать всех одноклассников, завязалась общая беседа. Когда мы вышли к берегу озера, Петр показал мне на один из островов в центре озера.

– Во-о-он там наша палатка.

– Мы диким образом отдыхаем, – дополнил его Виталик. – Там спим, там едим.

– Что, на костре готовите? – поразилась я.

– Хочешь попробовать? – спросил Петр.

– А что? – Лелька явно хотела попокетничать. – Мысль.

Мы уговорились встретиться завтра утром на берегу. Парни обещали приплыть за нами, а вечером отвезти назад. День на острове. Я немного поканючила – страшновато все-таки. Но Лелька была тверда – мы поедем. Очевидно, кто-то из моих одноклассников ей понравился. Надо будет потом допытаться, кто именно.

– Вы все-таки поосторожнее, девчонки, не ходите по горам одни, – сказал Петр на прощание, – тут, поговаривают, мужика одного убили.

Я охнула, а Лелька схватилась за голову.

– Где убили?

– Да, прямо тут, на вашем пляже. Наверное, только ко вы про это не знаете.

Я не стала говорить, что подслушала двух пьяных баб. Представляю, как Лелька набросится на меня: «И о чем ты только думала?!»

К себе в комнату мы плелись очень хмурые.

– Может, уедем? – уныло спросила я.

– С ума сошла?! Как раз тогда, когда я наткнулась на приличного парня...

– Это кто ж из четырех? – ехидно спросила я.

– Тот, высокий и темный.

– Он рта не раскрыл. И ты не знаешь, как его зовут! – злорадно заметила я.

У Лельки было такое лицо, что мне тут же стало стыдно.

– Ладно, ладно, – сказала я примирительным тоном. – Это Миша, я с ним с первого класса училась. Очень хороший и положительный человек.

Лелька смотрела на меня с подозрением.

– Ну не было у нас никакой школьной любви! Просто знаю. И учился он нормально.

– Что, ни разу двоек не получал?

– При мне – нет.

Лелька призадумалась. Человек, который никогда в жизни не получал двоек – это либо святой, либо уникальный дятел. Я точно знала, что Миша не дятел и доказывала это Лельке всю лестницу до самой двери в наш номер. Даже запыхалась.

За ужином Лелька немного оживилась. Ох, похоже, она теперь будет гулять при луне, а мне придется по вечерам сидеть с книжкой в комнате. Одной страшно, а спутников не будет. Хотя что тут, маньяк, что ли, орудует? Маньяк – да еще и извращенец какой-то. Мужики ему нужны. Однако постойте, ведь я-то не мужик! Значит, я все-таки смогу гулять по вечерам?

* * *

Утром меня разбудили крики и причитания. Сначала я решила, что это продолжение сна, в котором два кота – мой и соседский – хоронили визгливую дворняжку с первого этажа. Спросонья я очень удивилась – чего это наши коты так горюют, мерзкую псину они оба терпеть не могли. Мой лично много раз не мог спокойно пройти домой и голосил под окнами, пока я не услышу. За это хозяева дворняги грозилась кота прибить и даже один раз увезли его куда-то за город. Кот, правда, через день вернулся, но теперь я должна была сама ходить за ним на улицу.

В конце концов я проснулась и поняла, что крики доносятся с улицы. Ну, теперь точно убили кого-то. Я высунулась из окна как можно дальше, но ничего не увидела. Кричали на пляже, который из наших окон невозможно было увидеть. Лелька вылезла из душа с полотенцем на голове:

– Ты чего это?

В ответ я лишь покрутила пальцем у виска:

– Ты что, не видишь? Это не я. На пляже что-то случилось.

Лелька скинула полотенце и нашла шлепанцы.

– Побежали скорее!

И тут я тоже переполошилась – мо-

жет, там убивают кого-то, а я тут торчу как корова бамозглая! Вместе мы вылетели из дверей, теряя по дороге тапочки. Я – в голубой пижаме с вышитыми котятками, Лелька – в пушистом желтом халате с нарисованными божьими коровками. У озера уже собралась пестрая полуодетая толпа. Все, однако, обратили на нас внимание. Вскоре мы узнали, кто кричал и почему. Оказывается, два городских олуха, приехавшие вчера отдохнуть по-дикому, не захотели отправиться на острова и разбили палатку в прибрежных кустах. Пиво свое, в количестве двадцати жестяных банок, они вынули из коробки и закопали в прибрежном песочке, чтоб не прокисло. Рано утром на пляж прибыл небольшой трактор, в обязанности которого входило сгребать мусор и ровнять песочек. Совершив очередной изящный пируэт около воды, трактор втоптал все двадцать банок в полосу прибоя, восемнадцать из них уговорил сразу, а еще двум попортил кондицию.

Лелька возмутилась:

– И правда, олухи! Подумаешь, банки. Купили бы новые!

У воды было прохладно, и она куталась в свой куцый халатик. Я уже давно вовсю стучала зубами. Простынем тут обе, ни за банку пива!

И тут с озера нас позвал веселый голос:

– Девчонки! Вы что, так поедете?

Оборачиваемся – Миша и Виталик в лодке. А я еще даже не умывалась! Я повернулась к Лельке. Бедная, она-то надеялась, что Миша ее увидит при полном параде, а вместо этого – вся в песке и божьих коровках.

Глава 3

Полуночники на свежем воздухе

Вечером мы на свой берег не попали. Весь день погода была идеальная для купания, но вот солнце опустилось к самой воде и зашипело, как раскаленный утюг на мокрой тряпке. Ветер как-то сразу подул очень сильно, поднялись волны. Лелька непременно хотела плыть к себе, но я поймала ее за ногу и заскулила: еще не хватало перевернуться посреди озера, тогда все сразу перестанут травить истории про убитого мужика, потому что появится тема гораздо интереснее – пачка утопленников. Темнело, начал накрапывать дождь. Влопыхах собираясь на остров, мы с Лелькой как-то не рассчитывали на то, что нам придется спать на соновых ветках. Мои одноклассники оказались людьми очень благородными. Свою

четырёхместную палатку они уступили нам в полное распоряжение и даже принесли откуда-то кусок брезента – чтоб не так колко было лежать. Сами же решили устроиться около костра.

Я скорчилась на брезенте и дрожала от холода. Снизу меня кусали сосновые иголки, сверху – комары. Как спать в такой ситуации? По палатке мерно постукивали дождевые капли, я куталась в старое, прожженное с одного угла одеяло. Лелька пошла к костру за чаем примерно час назад. До сих пор не вернулась, и я понимаю, почему. Возможно, палатку отдали мне в единоличное пользование до утра. Кажется, я этому совсем не рада.

Расчесав комариный укусы на ноге, я наконец решила – ведь я тоже могу пойти за чаем. К моему великому возмущению, компания у костра встретила меня вопросами, почему я так долго не приходила, раз все равно не сплю. Ага, заснешь тут! Комары серьезно настроены ужинать за мой счет до утра. Потом начнут завтракать.

У костра было непривычно много народу, шумно, дымно, тепло, кто-то разливал по кружкам чай из большой прокопченной кастрюли, кто-то выкладывал из сумки-холодильника бутылки с пивом, самые хозяйственные носили хворост, а какой-то ненормальный старался извлечь из набора старой проволоки на занозистой фанере намек на мелодию песни Туриянского «Монтана». Лелька с Мишей сидели поодаль на бревнышке и мило беседовали. Интересно, как она ему объяснит свое имя? В эпоху соцреализма родители наградили Лельку устаревшим именем Анелия – в честь какой-то там не то революционерки, не то жены декабриста. В школе Анелию сократили сперва до политкорректной Нелли. Потом перекрестили в Нельку. А уже в институте кто-то недорасслышал, и в списке отъезжающих на картошку ее записали Лелей.

Завидев меня, Миша встал, взял у девушки, несущей вахту рядом с кастрюлей, полную кружку горячего чая и направился ко мне.

– Замерзла, Настя?

Приятно, когда о тебе хоть кто-нибудь заботится, плохо только, что лучшая подруга при этом смотрит на тебя как-то кисло.

Я с благодарностью взяла у Миши чай, но сидеть с ним и Лелькой деликатно отказалась. Устроилась рядом с Виталиком. Миша вернулся к Лельке, и она немедленно начала щебетать и улыбаться. Господи, что же дальше-то будет, если она сейчас так нервничает?

– Виталь, расскажи хоть ты про того мужика.

– Про какого мужика?

– Которого убили у нас на пляже. Вы говорили, что вся округа в курсе.

– А... про это... Гиблое дело, хотя в принципе все ясно. Наверняка из-за денег его и... того. А милиция никого не ищет. Мол, несчастный случай, вот и все.

– А пояснее?

– Ну... был мужик.

– Угу. Что за мужик?

– Жутко дорогой... то есть богатый.

– А зачем он тут торчал? Что, не мог ни на какие Мальдивы с Багамами поехать?

– Ты меня спрашиваешь? Я бы знал! Может, любил родную природу.

– А на пляже у нас он что потерял?

– А вот это у него спроси. Может, любил своих земляков. Просто как-то до обеда приперся он на обычный пляж – вот, на тот самый, на ваш, и почти час веселил публику. Ну, толстый, цепь золотая, охраннык полностью одетый – даже в ботинках... («Бедный! – вздохнула я. – Ему, наверное, в ботинки песок набился...»). На поводке кикимора какая-то, то ли самая редкая в мире собака, то ли экзотическая тварь.

– Оппосум, – брякнула я.

– Чего?

– Оппосум, говорю. Зверь такой.

– А-а... а я думал – это ты так ругаешься.

– Или шиншилла.

– Не знаю. Никогда в жизни не видел шиншиллу.

– Я видела. Неважно. А кто он такой, этот мужик, чтоб с шиншиллой по пляжу зажигать?

Виталик назвал крупную фирму, реклама которой вот уже лет пять не давала мне спокойно смотреть кино по телевизору. Владелец невиданного зверя был директором филиала в нашем городе. Угу. Если этот гулял по пляжу со зверушкой а ля Джеральд Даррелл*, то самый главный у них не иначе марсианина на веревочке выводит.

Виталик продолжал:

– Но это еще не все. Он аж с советских времен какой-то заслуженный-презаслуженный дядька. Комсомольский вожак и все такое. Оказывается, ему куча льгот была положена. Даже... – Виталик хмыкнул, – право проезжать под опущенный шлагбаум.

Я с трудом прогнала услужливо нарисованную моим воображением картину: сияющий новенький «Мерседес» присел на всех четырех колесах и по-собачьи пролезает под шлагбаумом.

– Тогда вообще непонятно, почему милиция никого не ищет.

– В том-то все и дело! До сих пор народ волнуется.

– А как его убили-то? Я тут слышала немного...

– Вот это и непонятно. Ходил мужик по пляжу, таскал за собой своего генетического урода и ругался в мобильник.

– Целый час ругался?

– Примерно. Охранник мотался за ним и ругался шепотом. Все ржали. Этот в красных трусах, а тот, как герой из «Матрицы».

– Представляю.

– Потом полез мужик купаться.

– Утонул?

– Ага, фиг. Вылез, кикимора за ним.

Сели на песочек. Стал он что-то своему агенту Смигу заяснять и вдруг захрипел так страшно – на весь пляж слышать было. Схватился за горло и повалился на бок. Кто близко был, говорили, морда вся посинела. Прямо кино.

– И что?

– А ничего, охранник свой телефон достал, давай звонить, народ с пляжа побежал вызывать скорую. Скорая приехала, говорят – тепловой удар. Ну и все. Потом как-то просочилось – умер этот мужик еще на пляже. Как захрипел, так и умер.

– А почему все решили, что убили его? Может, правда, удар хватил?

– А вот и не хватил! Этот мужик, говорят, сроду не болел. Ни давления у него, ни диабета... с чего б человеку вот так просто умирать?

Я призадумалась.

– А чужих здесь видели?

– Настя! Издеваешься?! Да здесь все время чужие! Здесь же зона отдыха! Народ приезжает и уезжает. Каждый день новые люди. Да на вашем берегу даже английский парламент запросто потеряется! В полном составе!

Странно, думала я, отправляясь в палатку с еще одним трофейным одеялом, – Миша выпросил его у кого-то и всучил мне. Лелька, похоже, спать сегодня не хотела, а у меня уже глаза сами собой закрывались. Свив себе гнездо из двух одеял и куска брезента, я заползла внутрь, решила подумать о мужике в красных трусах завтра и немедленно заснула.

* * *

В половине четвертого утра мне спичило навесить ближайшие кусты. Я ощупью выползла из палатки и затряслась от холода. Около потухающего костра лежали фигуры, завернутые в одеяла. Спины у них покрылись инеем. Небо на востоке стало холодного зеленоватого цвета. Светало. Не темно, но все сливается в мягкой серой мгле.

Выйдя из кустов, я немного постояла на открытом месте, посмотрела на утренние горы, на гаснущие в небе звезды

и завистливо подумала о Лельке. Вот кому повезло! Такая романтическая обстановка, да еще и с Мишей!

Позади меня что-то зашуршало. Я присела за чужой палаткой и прислушалась. Кто-то идет. Хорошо, если такой же, как я, до кустов – и назад в палатку... Стоп, стоп. Мы ведь уже прояснили – нет тут никакого маньяка. Я высунулась из своего укрытия. Никого. Странно, куда он подевался? Что же мне делать? Пробираться к себе или сидеть здесь в засаде? И тут прямо у меня за спиной выросла гигантская тень. Я дико испугалась и готова была заорать так, чтобы разом перебудить весь остров, как вдруг неожиданно узнала Аньку.

– Что ты тут делаешь?! – шепотом возмутилась она.

– То же, что и ты, – отрезала я, – природа будет нам благодарна.

Когда-нибудь я убью эту девицу. Почему она всегда так некстати появляется? Хорошо хоть, не в кустах на нее наткнулась, а то бы сразу сыграла в ящик от ужаса. Уезжая вчера на остров, я меньше всего надеялась встретить здесь с утра пораньше именно Аньку. То есть я никогда не надеюсь ее встретить. Она и без того попадает мне слишком часто. Забыла напрочь, что она – величайшая любительница торчать у лесного костра и петь походные песни. Эта страсть не угасла в ней со времен пионерского детства. Анька почему-то думает, что пение туристического репертуара сближает людей. Мол, над походным братством витает какой-то особенный дух. Насчет духа не скажу, может, это дух гречки из пакетов или печеной картошки, но кому, интересно, нужна на природе девушка, которая не умеет готовить? Впрочем, и петь тоже...

Спать мне уже не хотелось. Еще бы! До сих пор все волоски, какие есть, дыбом стоят. Игнорируя Аньку, я стала искать чистую кружку, стараясь при этом не очень шуметь. Анька настойно таскалась за мной. Вместе мы раскопали из-под хвороста целую канистру чистой воды, услышали только одно «твою маму» и пошли к протекающему поблизости ручью мыть посуду. Хлюпясь в ледяной воде, Анька не столько помогала мне, сколько шипела от холода. Я не знала, как ее прогнать. Наконец мы пристроили чистую посуду на расстеленной полиэтиленовой пленке, напились остывшего чая и стали думать, чем заняться дальше.

Что-то не нравилось мне во вчерашней истории про мужика на пляже. Я открыла глаза, стараясь воспроизвести все подробности разговора с Виталиком. Кое-что он видел сам, но в основном его информация состояла из слухов. А ведь покойник был директором большой компании. Нет,

наверняка не из-за денег его убили. Если убили вообще. Всякое бывает. Но с другой стороны, почему здоровый мужик слегка за сорок вдруг взял и умер в одну минуту?

В гробу я видела такой отпуск! На работе спокойнее. Хочу домой.

Я остановилась, раздумывая, что делать и где искать Лельку. Немного свербило сомнение – мало ли чем те двое заняты, а тут я примчусь к ним. Подумаешь, не ночевали вместе со всеми! Им обоим по тридцать лет, не маленькие. К тому же на таком острове особенно не заблудишься. Подумаешь, испугалась. Если честно, испугала-то меня Анька. Что-то не хочется выглядеть перед друзьями полной идиоткой.

И тут добрая Аня спросила:

– А где Леля?

Я сорвалась с места. Надо срочно что-то сделать. Надо обоих непременно найти, пусть они меня обругают на чем свет стоит, зато буду знать, что живы. Я бросилась в заросли, Анька за мной.

Через пару часов мы хорошо согрелись и перемазались по самые уши. Искать пропавших в лесу оказалось занятием нелегким и очень нервным. Я все время вспоминала слова Виталика – чужих здесь полно. За ночь на остров могли приплыть хоть все карибские пираты, хоть военно-морской флот США. Впрочем, чтобы убить двух увлеченных друг другом людей, достаточно и одного опытного уголовника. Вопрос только в том, зачем они уголовнику нужны, на них даже часов не было, даже, скажем, новой одежды! И Миша этот... Что я, собственно, знаю о своем однокласснике? Десять лет мы виделись с ним только в школе. А выпускной вечер у нас был уже довольно давно. Миша с тех пор мог стать шпионом или успел заделаться наркокурьером. А я так спокойно отпустила с ним легкомысленную Лельку! Нет, все! Хватит с меня приключений! Сегодня же заставлю одноклассников перевезти нас на большую землю, завтра же на автобус! Не хочу быть причастной ни к каким убийствам!

Я вырвалась на берег и окаменела. Пляж жемчужно блестел в лучах ласкового утреннего солнышка. Небо стало восхитительного сиреневого цвета, а почти над самой водой неспешно ползли похажие на сахарную вату облака. На песке у большой старой коряги лежала Лелька. Лежала, видимо, уже давно, так как песок слегка присыпал ее босые ноги и джинсы. Лелькины походные ботинки типа «зависте бронетранспортера» стояли рядом. Миши нигде не было видно.

Анька за моей спиной жалобно скулила от страха. Меня затошнило. Не хочу идти туда. Не хочу преворачивать Лель-

ку и глядявить ей в лицо. Не знаю я, что делать в такой ситуации!

Я обреченно опустила на землю. Чуяло мое сердце – не надо было нам ехать на этот остров!

* Джеральд Даррелл – английский биолог, автор популярных книг о животных.

Глава 4

Божеское наказание

– Эй... – окликнули меня сзади. – А ты зачем так рано встала?

Я подпрыгнула, когда Миша хлопнул меня по плечу. Анька взвизгнула. Как во сне, я смотрела на Лельку, которая неожиданно пошевелилась, затем села и принялась стряхивать с себя песок.

Разве это друзья?! Из-за них я шляюсь по берегу в то время, когда все нормальные люди досматривают самые лучшие утренние сны! Грязная, потная, представляю, на какое чучело я сейчас похожа!

– Настя, ты чего это? – Миша смотрел на меня с жалостью.

Я вдруг поняла, что разревелась с досады. Надоели они мне все. Ни слова не отвечая, я развернулась и пошла назад в лес. Никто меня не догонял. Миша совсем растерялся, Лелька еще не проснулась окончательно, а Анька вообще не знала, что делать. Ну и отлично! Лечь доспать мне, конечно, уже не удастся, но зато я могу растормошить Петю и Виталика, чтобы они поскорее собирали лодку. Ветер стих, и я жаждала как можно скорее добраться до горячего душа и цивилизованной столовой.

Из моей затеи побыстрее попасть на большую землю, однако, ничего не вышло. Озеро разыгралось не на шутку. Весь день мы с Лелькой дулись друг на друга. Я – из-за утреннего приключения, а она, оказывается, решила, что я за ее спиной строю глазки Мише. Я искренне возмутилась. Во-первых, Миша мне не нужен, и это я ей сообщила сразу же, а во-вторых, кому как не Лельке знать, что я уже давно и прочно занята. Вечером мы обе, утомленные полубессонной ночью накануне, отправились спать еще засветло. Виталик принес нам надувной матрас и пожелал спокойной ночи. Глядишь, еще на пару дней мы тут останемся – и они нам дом построят. Во сне мы с Лелькой обе наглядно продемонстрировали свои наклонности и претензии. Я спихнула ее с матраса и разлегалась одна во всю ширину, а она намотала на себя оба одеяла и часть брезента.

На следующий день мы вернулись в свой дом отдыха. Мои одноклассники при-

Езжали к нам в гости довольно часто, а Миша и вовсе дневал и ночевал на нашем берегу. Ссоры улеглись, установилась хорошая погода, мне даже жалко было уезжать. Я и забыла совсем, как нервничала и мечтала поскорее попасть домой. Никаких трупов нам больше не попадалось, а Анька отправилась в шестидневный поход на лошадях по горам.

Но срок пребывания по нашим путевкам все-таки закончился. Едва сев в автобус, Лелька ехидно поинтересовалась, не грустно ли мне уезжать. Я подтвердила – да, мол, грустно.

– Не хочу показаться злобной мегерой, но за две недели ты ни разу не вспомнила про Дмитрия. Во всяком случае, ни разу про него не заговорила...

Что бы вы там ни подумали, Дмитрий – это не муж. И даже, похоже, не бойфренд... Дмитрий – это Божеское Наказание, которое послано мне за все мои грехи, которые я совершила с самого первого дня рождения.

* * *

Божеское Наказание встретило меня словами:

– Я прямо позавидовал!

Он пришел на автовокзал в неизменной белой сатиновой рубашке с галстуком и даже при пиджаке. Среди отъезжающих с баулами, в джинсах не первой свежести или потрепанных спортивных костюмах мой несравненный выглядел как чопорный пингвин, который по ошибке заявился на вечеринку в деревенский курятник.

За всеми треволнениями я напрочь забыла, что стала похожа на бронзовую титянку. Белая майка только подчеркивала мой роскошный загар. Но я ни на секунду не поверила, что Дима и в самом деле мне завидует. Для того чтобы загореть, надо как минимум снять пиджак. Не говоря уже обо всем остальном. В последнее время я стала все чаще задумываться – так ли уж сильно я люблю его, как мне раньше казалось? Дима, конечно, великолепен, но очень уж с ним утомительно.

И все-таки приятно, когда крепкая мужская рука отнимает у тебя сумку, а другая рука при этом тормозит такси. Мы попрощались с Лелькой и поехали ко мне. Уже в машине Дима стал излагать свои планы на выходные. У него, оказывается, намечался корпоративный праздник – десятилетие компании. Правда, сама компания находится в Москве, но все филиалы дружно празднуют. Пока я полеживала на теплом песочке, Дима, оказывается, вовсю трудился – организовывал мероприятия, да так, чтоб и директор возрадовался, и овцы... тфу ты, сотрудники довольны остались.

– Ты мне очень нужна, – заявил Дима особым интимным голосом. – Не могу же я пойти на такое мероприятие один.

Теперь ясно, почему он притащился после рабочего дня на автовокзал, чтобы меня встретить.

– Какая форма одежды? – осторожно спросила я.

– Знаешь, надень то платье... ну, цвета чая с молоком. И... ммм... наверное жемчуг, что ли...

Я коротко кивнула – платье я так и быть надену, тем более что оно у меня единственное в своем роде. Когда-то я отдала за него деньги, которые копила на стиральную машину-автомат. Вкус у Димы, конечно, как у новорожденного ящера. Совершенно ясно, что жемчуг к такому платью абсолютно не идет. Ну да ладно. Надену что найду, а ему знать незачем.

Поздно вечером позвонила Лелька. Я коротко изложила ей свою ситуацию.

– Ну а я-то чем тебе помогу? – осведомилась она.

– Слушай, будь другом. Дай на вечер свою цепочку из белого золота... – прошептала я в трубку, воровато оглядываясь на балкон, где курило мое наказание. Еще обидится – жемчуг-то он мне подарил.

– Офигела?!

Однако, поразмыслив, она согласилась со мной – ничего на вечере с цепочкой не случится, а домой потом Дима меня отвезет.

* * *

Вечеринку затеяли в небольшом ресторане, которой стоял прямо напротив здания фирмы. Я все недоумевала, как мы все туда поместились, залышек был маленький, и набились мы туда как сельди в бочку. Едва я села за стол, как сразу же почувствовала себя неуютно. Сейчас все Димины сотрудники начнут потихоньку меня обсуждать. Я возмечтала поскорее смыться домой. Увы – на моей шее эта проклятая цепь, с ней просто так в такси не сядешь. Зачем я ее только попросила? Теперь весь вечер буду думать о ней.

Корпоративные вечеринки в провинции всегда чем-то напоминают колхозную свадьбу из фильмов образца пятидесятих годов. Сперва приближенные к директорской особе восхваляют компанию и директора, потом начинают выступать почетные гости.

Я с подозрением обнюхивала нарезанную в качестве холодной закуски рыбу. Стекланная она какая-то. Дело близилось к вечеру, а я сегодня не успела пообедать и до сих пор голодна, хотя сижу за накрытым столом. Странно, прямо как Алиса, которая только что стала шахматной королевой*.

Когда в речах депутатов сельсовета... пардон, почетных гостей, наступил перерыв, Дима тихонько предложил мне прогуляться по парку. В ресторанном зале включилась музыка, молодые сотрудники отправились танцевать, и мы незаметно улизнули на улицу.

– Ты почему ничего не ешь?

– Не знаю... Все как-то подозрительно выглядит. Мелкие рестораны всегда стараются залежалое на банкет подсунуть.

– Да уж... я хотел совсем не здесь праздновать.

– А директор решил сэкономить?

– Что-то вроде того.

Муки голода окупились с лихвой. Дима меня любит. Примерно час провели мы в парке. Я надеялась, что в ресторане о нас все позабыли. Потом наконец спохватилась – у меня на шее висит ю не то чтобы целое состояние, но моя зарплата за два года – точно. А я в потемках в кустах ищу себе приключений. И вообще, выйдет кто-нибудь, наткнется на нас... Стыдно будет. Как подростки.

Мы поспешили к народу. Проходя под офисным зданием, я заметила:

– А у кого это там свет горит ночью?

– Это Саша... Ну, директор наш.

Иерархию чинов в Диминой фирме мне никогда не понять. Начальников у него немало, но подчиненных еще больше. Причем все зовут его Дмитрием Юрьевичем, зато с директором он на «ты» и просто по имени. Непостижимая корпоративная тайна.

– А чего это он в час ночи на работе?

– Да файлы важные из Москвы прийти должны. Ждет. Ну не надо, чтоб они долго в почте лежали...

– Понятно.

– Может, пойдём, я тебя познакомлю с ним?

Я немного испугалась, но кивнула. Поднимаясь по лестнице на седьмой этаж (надо же, такая крупная фирма, а все как у нас – лифты ложатся спать ровно в восемь вечера!), я спросила:

– А зовут-то его как?

– Саша, я же сказал.

Я замерла, так и не поставив ногу на ступеньку.

– Нет, это для тебя он Саша. Я-то с ним брудершафтов не пила.

Дима хмыкнул и призадумался, вспоминая отчество собственного начальника. Я нашла в коридоре зеркало и стала поправлять волосы.

– Ефремович он, – все-таки вспомнил Дима. – Вот вертится в голове – какое-то отчество мудреное, но русское...

– Александр Ефремович, – сказала я тоном первоклассницы. – Пошли, Дмитрий Юрьевич.

Дима прошагал по коридору, для порядка стукнул в самую крупную на этаже дверь и тут же толкнул ее. Я покорно сменяла следом.

– Привет, Саш. Мы тебя не слишком побеспокоим?

Александр Ефремович сидел у гигантского стола из натурального светлого ясеня и внимательно смотрел на карту мира, украшавшую полстены в его кабинете. Интересно, зачем директору местного филиала карта всего мира? Димин начальник пристально и немного печально присматривался к Европе. Наверное, думал об участившихся терактах, а может, его беспокоил порядок престолонаследования в Великобритании.

– Хочу представить тебе свою половину... – Дима оглянулся на меня и виновато поправился: – Ну... будущую половину... я надеюсь.

Директор не отвечал и продолжал думать о террористах. А может, просто планировал отпуск в цивилизованных странах?

– Саш... – еще раз неуверенно позвал Дима.

Я обогнула стол. Мне бы такой ясен! Впрочем, как раз из такого у меня была щетка для волос. Жутко дорогая, между прочим. Интересно, сколько стоил стол?

Приблизившись к директору филиала, я проследила за его взглядом. Александр Ефремович, оказывается, печалился по поводу Израиля. Это понятно. Я помахала рукой у директора перед носом. Он меня не заметил. Я глубоко вздохнула и почувствовала, что у меня дрожат ноги. Второй директорский труп на моем пути! Похоже, теперь настоящий. Интересно, что с ним? Не рыбой же он отравился! Хотя от той рыбы всего можно было ожидать.

Я повернулась к Диме и тихо сказала:

– Ты знаешь... по-моему, нам лучше здесь ничего не трогать. Вызывай-ка скорую.

* Эпизод из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

Глава 5

Заморский гость

Удивительно, насколько точно погода всегда соответствует моему настроению. Если бы наутро в окна спальни светило яркое летнее солнце, я бы, наверное, возмутилась. Но за ночь в природе произошли разительные перемены, налетел ледяной ветер, и когда я проснулась в субботу после кошмарной вечеринки, за окном все было сереньким, как в старом телевизоре. На улице вовсе хлестал дождь. Я лежала

в постели, раздумывая, поспать ли мне еще или все-таки подниматься. Дима давно ушел на работу – директора нет, надо навести какой-никакой порядок. А у меня было еще целых три свободных дня.

Вчера нам удалось добраться домой только на рассвете. Понятное дело, ведь люди, нашедшие убитого, – главные свидетели. Следователь выслушал бесвязные объяснения о юбилее фирмы и вечеринке по соседству, а потом деловито спросил:

– Анастасия, эти камни у вас в колье...

– Это розовые рубины, – сказала я, ничего еще не подозревая.

– Спасибо. Теперь я буду знать, как выглядят розовые рубины. А металл?

– Белое золото, – убитым голосом сообщила я.

– И вы, девушка, пошли ночью в парк? С этим на шею? Не боялись?

– Я... не знаю, я не... я не подумала.

– Надо же, ведь верила, что только и буду волноваться за Лелькину цепочку, а сама действительно напрочь забыла о ней и вспомнила только сейчас!

– Дмитрий Юрьевич, и вы повели вашу подругу ночью в парк, несмотря на то, что у нее на шею украшение, которое наверняка стоит больше, чем ваша машина?

Дима внимательно посмотрел на меня. В бледном утреннем свете его усталое лицо выглядело серым, глаза покраснели. Еще бы! Ведь именно ему пришлось оповестить всех участников празднества о том, что случилось. К пяти часам утра милиция наконец управилась со всей празднующей конторой, и теперь с представителями властей общались только мы двое.

– Настя! А жемчуг-то где?! – неожиданно возмущенно спросил он. Ох, похоже, не так уж сильно любит меня мой ненаглядный, если только сейчас разглядел, что на мне надето.

Вопреки моим ожиданиям Диминого директора не отравили. Кто-то выстрелил в него сзади. Милицейский эксперт сказал, что стреляли, скорее всего, в упор из пистолета мелкого калибра, а потом аккуратно наклонили труп так, чтобы спинка кресла скрыла рану и со стороны казалась, что человек просто сидит и задумался. Конечно же, в пустом здании никто не слышал ни единого звука. Охранник на входе клялся и божился, что мимо него никто не проходил. Милицейский чин поинтересовался, что именно делал в пустом офисе директор филиала в праздничный вечер. Я открыла было рот, чтобы сообщить о важных файлах, ожидаемых по электронной почте, но вовремя спохватилась и захлопнула. Еще неизвестно, что это были за документы и желает ли

фирма разглашать сам факт их наличия. Потом спросу у Димы, пришел ли что-нибудь по директорской почте.

Одним словом, Дима ответил невнятно – мол, в коммерческой фирме люди всегда на работе, а директор и подавно.

Напоследок милиционер снова обратился ко мне:

– Сколько вы пробыли в парке наедине?

– Час, может, чуть больше.

– У вас такое хорошее чувство времени?

Ха, поработал бы он дизайнером по рекламе – понял бы, что такое чувство времени! Я кивнула и добавила:

– Часов у меня не было, да я бы все равно на них не посмотрела, просто, когда мы уходили, я слышала, как две девушки из отдела маркетинга вызывают по мобильному такси, потому что скоро одиннадцать и им надо домой. А когда подошли к офису, на дороге погасли фонари. А фонари у нас гасят в полночь, это любой ребенок знает.

– Вы уверены?

Я только кивнула. И девиц я слышала совершенно отчетливо, и фонари видела своими глазами. Пьяной я не была – все время помнила, что надо сперва поесть, но так и не поела. Милиция, похоже, придерживалась иного мнения. Но виду не подала.

– Последний вопрос. Ваш спутник, Дмитрий, все это время был с вами? Подумайте как следует. Александра Ефремовича убили именно в тот промежуток времени, когда вы были вдвоем. Другого алиби у вашего друга нет.

Я внимательно посмотрела на Диму.

– Ну конечно, он был со мной!

– Это точно?

Я вспомнила минувшую ночь... Нет, так быстро привести свою одежду в порядок, сбегать к офисному зданию, подняться в кабинет, убить и уйти он бы не смог. Да еще и лифт не работал. Краснея и запинаясь, я объяснила следователю, почему я уверена, что Дима никак не мог убить своего директора. Милиция даже не улыбнулась, но слова мои, похоже, приняла к сведению.

Ко мне домой мы приехали, когда стало уже совсем светло. Я тут же без сил повалилась в постель – даже голод не мог заставить меня подняться. Дима снял галстук и начал методично мерить шагами кухню и гостиную. Я лежала за прикрытой дверью, смотрела на квадратик электрического света на полу и думала: если он сейчас же не перестанет ходить, я закричу. С тем и уснула. Видимо, сморило меня неожиданно – я проснулась в неудобной позе, сильно отлежав руку.

Мои раздумья нарушил телефон. Стуча от холода зубами, я вылезла из постели, сняла трубку и забралась с ней назад под теплое одеяло.

– Привет! – крикнула Лелька прямо мне в ухо и оглушительно чихнула. Я на всякий случай слегка отодвинула трубку от себя. Кто знает, какие еще она припасла шумовые эффекты, а у меня и без того голова чуть не треснула от ее чиха. – Можно мы к тебе придем? Чайник поставишь?

Я потерла глаза и глянула на часы – ничего себе! Скоро полдень.

– Мы – это кто? – тревожно поинтересовалась я в телефон и стала лихорадочно припоминать, не побросала ли я на виду чего-нибудь такого, что не принято демонстрировать гостям. Эх, надо обойти квартиру на всякий случай.

– Мы – это Миша, я и Джек.

– Кто-кто?

– Миша, я и Джек.

– Кто такой Джек, и почему он ходит с вами?

– Он русского языка не знает, поэтому и ходит. Но он не только с нами.

– Да откуда он взялся, Джек ваш?! – рассвирепела я.

– Джек у Миши работает. Недавно приехал. Консультант. Они его всей конторой пасут, пропадет же человек без языка.

– Леля! – решительно сказала я в трубку. – Ты можешь четко и ясно сказать, кто такой Джек и откуда он взялся?

– Джек Томпсон, – по-военному отчиталась моя подруга. – Приехал работать по приглашению, из Америки, консультант по маркетингу. Теперь можно он придет? А то его дома бросить придется, совестно нам, сегодня же суббота. Человек имеет право на активный отдых.

Я высунула пальцы ног из-под одеяла. Холодно, но ничего не поделаешь, надо вылезать и заваривать чай – Дима наверняка выпил все, что было, пока я спала. Да и поесть надо. Еще не хватало на глазах у двух мужиков жадно пожирать все, что сама же выставила на стол. Еще подумают чего...

Джек Томпсон оказался невзрачным молодым американцем – очень тощим, очень конопатым, в очках и с куцей бесцветной бородачкой, из-за которой он напоминал умирающего от старости козла. Интересно, куда из Америки едут работать высокие и красивые, похожие, например, на Билли Крадапа?* Хотя, наверное, таким, как Билли, никуда ехать не надо. Они и на месте неплохо устроятся.

Из нас четверых по-английски нормально говорили только двое. Джек, в силу своего месторождения, и Миша – ему по работе было положено. Я Джека понимала неплохо, но сама говорить стеснялась,

поэтому Миша меня переводил. Лелька в основном молчала. Катастрофическая неспособность Лельки к языкам всегда доставляла ей немало неприятностей. Помню, когда мы оканчивали институт, Лельке как-то выпало сопровождать немцев, приехавших на конференцию по филологии. Немцы в нашей стране бывали не раз, по-русски изъяснялись довольно сносно, проблем у Лельки с ними не было до тех пор, пока гости не спросили у нее, знает ли она хоть что-нибудь по-немецки. Лелька напрягла все свои умственные ресурсы и выдала две исключительно неуместные фразы, которые все мы хорошо знаем по фильмам о Второй мировой войне – «Хан-де хох» и «Гитлер капут». Немцы обрадовались до слез, а Лелька с тех пор окончательно утратила веру в себя.

Оказалось, теперь у Лельки появился конкурент по части неспособности к языкам. Все лингвистические изыскания Джека сводились к тому, что он читал по бумажке написанные Мишей русские слова. Латинскими буквами. Таким вот образом Джек «по-русски» сообщил мне, что в нашей стране чрезвычайно высок криминальный элемент. Я срочно убежала на кухню, чтобы остаться без свидетелей, и, давась смехом пополам со слезами, слушала, как Миша объясняет Джеку, что у меня закипел чайник.

Очень скоро я поняла, что американский гость, хотя и приехал совсем недавно, успел порядком поднадоесть всей Мишиной конторе со своими запросами и вечным нытьем – почему у нас все не по-человечески (то есть не по-американски). Джек требовал фильмы на английском языке, горячую воду летом, американские газеты под дверью по утрам, кондиционеры во всех комнатах, зеркальный лифт в подъезде, экологически чистую минералку, гамбургеры, кофе без кофеина и развлечений. Кроме того, желал говорить исключительно по-английски и искренности удивлялся, почему у нас такая малоцивилизованная страна. Меня все это ужасно утомило, кроме того, я очень хотела рассказать Лельке и Мише, что вчера произошло, поплакаться и попросить совета. Но как это сделать при заморском госте, который требует, чтобы все внимание было направлено только на него? В конце концов, мы решили все вместе пойти гулять по городу. Я отправилась в спальню переодеваться, Лелька поперлась за мной. В двух словах я сообщила Лельке, что стала свидетелем кошмарного преступления. Из моей спальни Лелька вышла с таким лицом, что Миша, стараясь по возможности не прерывать светскую беседу на английском, встревоженно спросил:

– Леля, что случилось?

На улице мне удалось наконец поведать друзьям о вчерашнем преступлении. Миша отнесся ко всему еще серьезнее, чем Лелька.

— Ты понимаешь, что ты теперь подозреваемая?

Я только вздохнула. Вляпались мы с Димой. Два человека, нашедшие труп, создают алиби друг другу — звучит не очень убедительно. Миша обещал подумать и просил меня держать его в курсе всех дел с милицией. Лелька так разволновалась, что даже забыла его приревновать. Джек, похоже, совершенно ничего не заметил, занятый только собой. Ну и славно. Незачем демонстрировать в натуре тот самый «криминальный элемент», которым его пугали еще в Америке. Хотя у них там тоже всякого хватает. Особенно если судить по фильмам.

Суббота прошла бездарно. Хотя, побродив по городу и посидев в кафе, я успокоила нервы — и на том спасибо. Под вечер мы зашли в маленький тир, и я, чтобы потешиться, сделала аж двадцать выстрелов, промазав при этом всего раза три. Американец немедленно сообщил мне, что его предупреждали — русские очень воинственная нация, но чтобы хрупкая девушка была так хорошо подготовлена для боевых действий... Тут я от своей души пожалела, что у меня нет подругой еще одного закипающего чайника. Они что там, в Америке, все такие? Похоже, расскажи я сейчас Джеку, что у меня под носом застрелили директора крупной фирмы, он тут же заявит, что это сделала именно я.

* Билли (Уильям) Крадап — киноактер США-Великобритания.

Глава 6 Лифты и клады

Лелька принесла мне весть — они с Мишей с утра пораньше купили на всех билеты в кино. Впрочем, я сама хороша — напрочь забыла, что еще несколько дней назад мы голосовали, на какой фильм пойти. С этим убийством у меня все кино вылетело из головы. Пришлось наспех звонить Диме и договариваться о встрече около Анькиного дома. Хорошо хоть Миша дает всем возможность выбора, Анька бы купила билеты по своему вкусу, а потом всех поставила перед фактом.

Недалеко от Анькиного дома меня встретили Дима и Джек. Анька откликнулась на сотовом и сообщила, что она как раз входит в подъезд и что ей надо переодеться. Когда мы подошли к дому, выяснилось, что Анька нас ждать не стала и

распекуюнюю уехала к себе на четвертый этаж. Как раз в ее стиле — пусть все, даже Джек, подождут лифт. Дима, впрочем, предложил не ждать, пока лифт освободится, а пойти пешком.

Анька встретила нас уже переодетая. По моему глубококому убеждению, натуральным блондинкам идет любой цвет. Ну, или почти любой. Как эта девица ухитряется выискывать и покупать одежду, которая ей особенно не к лицу, я не знаю. Удивительный талант. Или анти-талант.

В подъезде что-то грохнуло, но никто, кроме Джека, даже не дрогнул. Мало ли какие вещи случаются в наших подъездах. Ни у кого из нас не было охоты выглядывать и выяснять, в чем дело. Может, просто пьяный сосед пытается отпереть дверь в квартиру ключом от гаража. Или соседские дети опробовали какую-нибудь очередную самодельную взрывчатку, тогда из квартиры вообще без противогаса не выйдешь. Джек, впрочем, тоже отвлекся ненадолго. Он во все глаза смотрел на Аньку. Явно любителю блондинок, подумала я. Анька засмущалась и пригласила всю толпу в комнату. Ей было явно не по душе идти такой большой компанией в кино, но присутствие кавалеров делало мероприятие вполне приятным для нее.

Когда минут через двадцать мы вывалились наконец на улицу, там творилось что-то непонятное. Мигала скорая, рядом стояла спасательная машина. Кругом уже клубилась вполне приличная толпа любопытных, и какая-то скандальная баба требовала немедленно пропустить ее в подъезд — она здесь живет.

Лелька вскоре слышала, в чем дело — упал лифт. Спасатели стараются его открыть, но, судя по всему, те, кто был внутри, погибли — никаких признаков жизни они не подают. Анька охнула и прикрыла глаза — еще бы, она поднималась на проклятом лифте предпоследняя.

— Ничего особенного не слышала? — спросил Миша, ни на что не надеясь.

Еще бы, в таких-то лифтах все скрипит и шатается. Никогда больше не поеду в лифте. В жизни. Даже если придется лезть на Останкинскую башню — пойду пешком. Миша подошел к спасателям, немного погодя к ним присоединилась милиция. Через несколько минут все стало известно — что-то там испортилось в лебедке, она отвалилась, лифт и упал. Возможно, повис бы на тормозных колодках, но лебедка, падая, пробила крышу лифта и обрушила все вниз. Похоже, Анька теперь очень долго платить за лифт не придется. Побегает на четвертый этаж пешком — какая-никакая, а зарядка.

Аньке между тем было нехорошо. Она

дрожала и искала, на что бы опереться. И тут Джек с очень мужественным выражением на лице предложил ей руку. Тощая веснушчатая лапка Джека стала для нашей Аньки могучей опорой. Она поникла как цветок, все больше бледнее. Я вдруг поняла, что тоже сильно дрожу. Какой Димка все-таки молодец! Как это ему в голову пришло подниматься пешком! Анька поехала одна, возможно, именно поэтому не оборвалась, а мы впятером точно рухнули бы! Миша, увидев мое лицо, взял меня за руку. Лелька немедленно скривилась. Дима предложил не дожидаться развязки. В таком деле попадешь в свидетели – не обрадуешься. Наши следственные органы о гражданах не думают и об удобстве их не заботятся, лучше смотреть по-тихому, пока никто нас не запомнил. Так мы и сделали. Погуляли немного по парку, пока цвет Анькиного лица из угрожающе-зеленоватого не стал снова нормальным. Джек купил даме минералочки, понемногу отпаивал ее и утешал. В отличие от Лельки и меня, Анька английский язык знала и могла общаться с Джеком самостоятельно. Ну и на здоровье! Мне лично уже надоело общаться с Джеком, и я была очень рада, что нашелся человек, который разговаривает с ним добровольно, охотно и не прибегая к Мишиной помощи. Мы вчетвером отстали от них и говорили о своем.

Когда до начала фильма оставалось минут пятнадцать, Джек уговорил Аньку пойти-таки в кино. Мы тоже не возражали. Я лично чувствовала, что мне очень надо отвлечься, только бы на экране никаких лифтов не было, иначе они мне приснятся сегодня.

* * *

Вечером Лелька с Мишей сидели у меня на кухне и сочувственно смотрели, как я пытаюсь приготовить тушеное мясо с фасолью. Дима ретировался к себе домой, сославшись на то, что у него куча не разобранных бумаг, а завтра понедельник. (Я так и не спросила у него, что там с директорской почтой.) Лелька, как ни странно, пережила падение лифта гораздо спокойнее, чем я. Ну а я-то что волнуюсь? Не в моем же доме это случилось. И вообще, Анька побеждает всего лишь на четвертый этаж, я вот на пятый бегаю. Каждый день, а то и несколько раз за день – и ничего.

Миша по моей подсказке достал из верхнего кухонного шкафчика бутылку с коньяком и налил в три стопочки, а Лелька в конце концов прогнала меня от плиты и занялась ужином сама, пока я окончательно не испортила продукты. Я села за стол, дрожащей рукой налила себе минералки и устроила большую минеральную

лужу. Миша кинулся за тряпкой. Эдак я весь дом разнесу.

– Да чего ты так разволновалась-то из-за лифта из-за этого?

– Не знаю, – честно сказала я.

– Ну, всякое бывает. И с лифтами тоже. – Лелька поставила на стол нарезанный хлеб.

Я предусмотрительно отодвинула его подальше от себя, поближе к Мише. От плиты вкусно потянуло тушеным мясом. Ну, наконец-то! Есть хочется, просто сил нет, я ведь сегодня за весь день не смогла съесть ни кусочка. Глядишь, еще пара приключений – и я сброшу-таки те самые пять килограммов, которые мечтает сбросить почти каждая женщина.

– Кому сока? – спросила Лелька из-за двери холодильника.

– МНЕ! – ответили мы с Мишей хором.

– Есть вишневый и апельсиновый, – информировала Лелька.

– А апельсиновый-то откуда? – возмутилась я. Терпеть не могу ничего апельсинового, кроме самих апельсинов.

– Мы купили. Миша любит.

– Я нет. Дай мне вишневый.

Я немного огорчилась, что мы не совпадаем с Мишей во вкусах. Но почти сразу же об этом забыла. Миша, чтобы отвлечь нас, наконец, от сегодняшних переживаний, стал рассказывать интересную полукриминальную историю. Он ратобал юристом и слышал о расследовании от коллег. Обошелся совсем без трупов, ибо повесть его была о кладах. Оказывается, в нашем городе с недавних времен началась волна кладоискательства. Три года назад некие люди купили квартиру в бывшем купеческом доме. Стали делать глобальный ремонт, содрали со стен обои, сняли доски, которыми кто-то когда-то закрыл одну из дверей, решили сделать на месте бывшей двери арку в соседнюю комнату. И нашли старинный сейф, который замаскировали штукатуркой еще, похоже, до революции. Провозившись полдня, сейф открыли, но там было пусто. Кажется бы, надо на этом и успокоиться, но специалист, который помогал вскрывать древний сейф, вдруг пропал. Даже в розыск его объявляли, но так и не нашли. Потом еще была история: одна деревенская тетка привезла в город на базар здорового сома. Сомы купили, отнесли на кухню, стали резать на куски и нашли брошь с бриллиантом в двадцать пять карат. Решили, что с давних времен эта брошь в рыбе, однако специалисты придумались – камень старинной огранки, да и брошь – новая, а сомы столько не живут. А потом на другом конце города зашел мужик в подвал. Дом у них был древний, и в подвале – небольшие кладовочки для

жидков. Увидел мужик, что стенку его кладовки кто-то долбил и разбирал. Всю ночь, похоже, старался, не приди хозяин утром – дыру бы сделал насквозь. Вызвал мужик милицию. Те приехали со спецом, спец поковырялся в старинной кладке и вытащил наружу железный ящичек, доверху набитый старыми купюрами и облигациями. Когда ящик достали, мужик чуть не околдовал с досады, надо было б самому в дыре покопаться, а как увидел хлам бумажный, сразу успокоился – забирайте, говорит. А вскоре на таможне, на прямом рейсе в Сеул, у корейца, который притворялся, что ни слова не знает по-русски, вытащили из чемодана пакет со стопками золотых десятирублевков, отчеканенных до революции.

Тут-то компетентные люди и задумались, что все эти случаи, похоже, взаимосвязаны. У одного из них был дедушка старенький. И рассказал этот дедушка, что в двадцатые годы приехала в наш город известная балерина. Была она чья-то там фаворитка, чуть не великого князя (дед был старый, за точность не ручался). Поселилась в маленькой квартирке, стала работать в новом по тем временам местном театре. Когда подошел тридцать седьмой год, решили престарелую уже даму потрясти на предмет капиталов. И ничегошеньки у нее не нашли! Даже рубля серебряного не завалилось! Даму отправили аж на Сахалин – за связи, которые у нее были до революции. А квартиру ее чуть не по кирпичику разобрали. И решили, что ничего она с собой из столицы не привезла. А люди говорили – было у нее. От всех прятала, но от бабок местных разве все утаишь? Видели у нее и деньги большие, и золото, и камни. А куда все это делось – одному богу ведомо.

Долго сидели мы, впечатленные Мишиной историей. Потом я спросила:

– И, что, так ничего и не нашли?

– Ну почему же? Нашли. Золото у того корейца. Потом еще были два мужика, разбирали в старом доме с печным отоплением дымоход из кирпичей. Один из них чуть не угорел, второй позвонил в скорую, а те уж милицию вызвали. А зачем дымоход совсем исправный разбирали, так и не признались оба.

– И что там было у них? – тут же спросила Лелька.

– Ничего. Зря только печку хорошую испортили. В трубе висела цепь в руку толщиной, ржавая и скованная амбарным замком, вся прокопченная. Тяге она не мешала, но специалисты ее все-таки вынули. Теперь, когда хозяин вылечится, придется ему печного мастера искать – сам он ни за что так хорошо не сложит, как было.

– А цепь-то зачем? – удивилась я.

Миша только плечами пожал.

– Я знаю! – хихикнула Лелька, размахивая своей вилкой. – Это чтоб Санта-Клаус не пролез!

– Ну да! – подхватила я. – А то всякие они бывают, Санта-Клаусы-то...

Миша встревоженно переводил взгляд с Лельки на меня и обратно:

– Девчонки, я налил вам всего граммов по пятьдесят! Как вы ухитрились допиться до Санта-Клауса летом?!

Глава 7 Женское дело

На следующий вечер мы с Лелькой вдвоем ходили по базару. Она встретила меня у автобусной остановки, чтобы обсудить мою новую работу, но разговор как-то незаметно опять перешел на Аньку. Это просто проклятие какое-то, Анька занимает собой все пространство, даже когда ее нет! Я уже и забыла, каково это – начинать на работе с нуля и делать макетки размером со спичечный коробок в газету на один выход. Хотела пожаловаться Лельке, но вместо этого Аня прочно завладела нашим вниманием.

– Послушай, Джек сегодня снова ее провожать ходил.

– Да, у него прямо любовь с первого взгляда, даже не верится. Он как Аню нашу увидел, окаменел.

– Ага, я тоже заметила.

– Он такой... – я скривилась. – Незвзрачный...

– Ладно тебе! А то она до пенсии так и будет вздыхать то по Делпу, то по Макгрегору*. А они оба, насколько мне известно, женаты и разводиться не собираются.

Я хихикнула.

– А тут реальный и добрый мужик, – гнула свое Лелька. – К тому же у них там, в Америке, пособие по безработице больше, чем у нас зарплата.

– Думаешь, ей понадобится пособие? – засомневалась я.

– Думаю, с Джеком ей вообще не понадобится работать, – отрезала Лелька, засовывая себе в рот сразу половину только что купленной шоколадки. И как она это ест? Я почему-то не люблю много сладкого. Даже обидно – ей на два укуса, а я бы эту шоколадку неделю мусолила.

По дороге к моему дому Лелька развивала свою мысль – надо бы Анькой заняться. Если не удастся пересмотреть ее гардероб, то пусть хоть краситься начнет.

– Зачем? – удивилась я. – Для Джека она, похоже, и так хороша.

Лелька не успела объяснить все толком – ей на мобильник позвонил Миша.

Пока Лелька разговаривала с ним, я отпи- рала дверь в подъезд и злилась – ну вот, и снова мы втроем, как будто у меня нет парня. Похоже, Дима появляется в моей жизни только тогда, когда ему надо раз- влечься или когда я зачем-нибудь ему нужна. Сидя в моей кухне, Лелька объ- яснила – Аньку просто необходимо сде- лать как можно привлекательнее, если мы хотим, чтобы Джек остался при ней. А то еще углядит какую-нибудь смазливую блондиночку в Мишиной конторе, тогда пропало дело.

Я так и ждала, что она начнет напоми- нать мне, как я сама чуть было не уехала за границу в качестве жены. Единствен- ным иностранцем, с которым я охотно и долго общалась, был один баварец**, его однажды привели ко мне в гости однокурс- ники. Как оказалось, баварец хорошо раз- бирался не только в пиве и еде, но и – уди- вительное дело – в кино, музыке и даже в книгах. Да-да, обеспеченный немец с упоением читал не только немецко- и ан- глоязычных авторов, но даже и в русской литературе что-то понимал. В придачу ко всему он совершенно бескорыстно учил меня немецкому, и через несколько меся- цев я не только могла смотреть фильмы на немецком языке, но и поддерживать несложные беседы – с заметным, правда, южным акцентом. Если бы не центнер живого веса, баварец был бы просто не- отразим. Даже с его щеками, похожими на спелые яблоки, и носом-пуговкой. Но худеть он отказывался, а я как-то не гото- ва была к тому, чтобы мужчина занимал в моей жизни так много места – в самом буквальном смысле. Поэтому он укатил на свою родину один – к сосискам и октобер- фесту. А я с тех пор больше не встречала такого милого человека, как он, и втайне очень жалела.

* * *

Моя новая работа на галеры не по- ходила. И даже засиживаться допоздна не приходилось – шеф почему-то был яростным противником ночных авралов и настаивал на том, чтобы все успевали с заказами в нормальное время. Я хорошо высыпалась, Дима со своими проблемами посещал меня нечасто, так что к концу ав- густа жизнь вошла в колею.

В предпоследний летний четверг Лель- ка позвонила мне в самый разгар рабочего дня и предложила поехать за город на все выходные. Я едва пообещала обдумать эту тему до завтра, как ко мне подскочил один из самых ретивых наших менедже- ров с пачкой заказов в руках. Я загадала – если в пачке окажется хоть один цветной, пусть даже и в газету, соглашусь. Шашлы- ки на даче у Лелькиного кузена представ-

лялись мне куда привлекательнее, чем поход с Димой в местный театр музкоме- дии. Не то чтобы я совсем оперетт не лю- била, скорее, наоборот, но как раз наш те- атр не особенно мне нравился. Они даже самую любимую мною пьесу превращали в поминальную службу.

Я перебрала заказы. Цветных было целых два, и я подумала, что неплохо бы и Аньку с нами взять. Но это, конечно, надо согласовать с Лелькой и ее кузеном.

Потом выяснилось, что ни Димка, ни Миша сопроводят нас на дачу не смо- гут. Лелька согласилась взять Аньку, хотя и побурчала, что она весь отдых испортит.

– Только без Джека! – тут же заявила она.

Ну, разумеется. Джеком я и сама была сыта по горло. Набирая Анькин телефон, я вдруг страстно возжелала, чтобы она отказалась ехать. Но она согласилась, и мы с Лелькой, проведив Мишу, сели раз- бираться с расписанием электричек. Ока- залось, что до дачи Лелькиного кузена идут всего две. Одна в семь ноль шесть вечера, вторая – почти в одиннадцать. Семичасовая приедет к нужному нам по- селку ближе к полуночи, ну а вторая, само собой, – к рассвету.

Лелька заявила, что ей оба варианта не нравятся. Я беззаботно заметила – раз мы будем втроем, нам никто не страшен.

Лелька лишь фыркнула. В этот момент позвонила Анька и заявила, что едет к нам, что она только что из книжного мага- зина и купила замечательную книжку про макияж.

– Чокнутая, – убежденно заявила Лелька. – Кто же этому по книжкам учить- ся? И вообще, у нее под рукой дизайнер. То есть ты.

Я лишь пожала плечами. Это же Аня!

Через пятнадцать минут взопревшая от пробежки по лестнице Анька с гордо- стью протянула мне свежеприобретенную книгу. Пока она разувалась, я пролистала ее покупку.

– Ань... – тяжело вздохнула я. – Ты хотя бы посмотрела в эту книжку, прежде чем ее покупать?

– А что такое? – осведомилась Лелька, заглядывая мне через плечо.

Анькина книга стоила, наверное, не- мало. Еще бы, это издание, снабженное прекрасными цветными фотографиями, было посвящено театральному гриму.

* Юэн (Йен) Макгрегор – киноактер, Ве- ликобритания.

** Бавария – одна из провинций Герма- нии.

Глава 8 Ночная электричка

– Черт, мой телефон! – вскричала Лелька в пятницу в плотно набитом автобусе. – В кармане был!

– Может, ты его в сумку сунула? – спросила я и тут же замолкла – на остановке Лелька говорила со своей матерью и у меня на глазах сунула телефон к себе в карман.

– Двери закрой, – отрапортовала кондукторша водителю.

Передние двери с лязгом захлопнулись, едва не придавив какую-то девушку. Задние даже не открывались.

– Немедленно отдайте телефон! – яростно разорялась Лелька. Ответом ей было молчание.

Анька, стиснутая со всех сторон, посоветовала мне:

– А ты позвони ей. Сразу слышно будет, где он.

Надо же! Не ждала от нашей Ани такой находчивости! Я не мешкая достала свою трубку и набрала Лелькин номер. Телефон моей подруги откликнулся на задней площадке автобуса. Его подняли с пола и передали Лельке. Вор, конечно же, нашелся. Всю дорогу Лелька дрожала от бессильной ярости, а я втайне была рада, что укравшему телефон удалось вовремя кинуть его на пол. Лелька бы скальп с него сняла.

Когда мы вылезли около моего дома, Анька заметила, что у нее расстегнута сумка.

– Ну-ка, смотри, что пропало! – коршуном накинулась на нее Лелька. Оказалось, ничего. Анькин кошелек, мобильник, портмоне, цифровой диктофон – все было на месте. Лелька шумно вздохнула, а Анька перекрестилась.

– Наверное, сама застегнуть забыла. Аня, ты просто находка для карманников! Удивительно, почему они тебя обходят?

Анька лишь фыркнула, уточнила, где она встречается с нами, и зашагала к своему дому, гордо вскинув голову.

– Наверное, гордится тем, что у нее ничего не вытащили, – прокомментировала я. – У тебя телефон чуть не сперли, а у нее – ничего.

– Ну, правда, хоть пешком ходи! – возмущалась Лелька по дороге к моему дому. – Я уже зарплату в лифчик на работе прячу. А то как я жить-то буду целый месяц?

* * *

Не надо думать, что к Лелькиному кузену мы собрались совсем уж как бессовестные нахлебники. То есть нахлебницы. Мы с Лелькой еще в четверг вечером закупили необходимое мясо и как следует

его замариновали. Не люблю я копченого, да и девчонки обычно тоже предпочитают домашнее. Лелька приобрела дорогому братцу, пускай и двоюродному, побольше его любимого сыра. Я запекла в духовке курицу и наготовила в дорогу побольше бутербродов – ночной дождь в поезде, это вам совсем не то, что дома у телевизора. Тут тебя угрызения совести не замучают, ты в дороге, можешь трескать что угодно и когда угодно – обстоятельства, так сказать, чрезвычайные.

На семичасовую электричку, мы, как водится, опоздали. Анька отправилась к своей маме в гости, твердо уверенная, что на поезд нам к восьми. Мы с Лелькой, злые точно фурии, ворвались в дом ее матери как раз в тот момент, когда Аня в дверях родительской квартиры выслушивала последние напутствия, обнимая внушительный пакет с пирогами. Одним словом, провизии мы набрали столько, что нам хватило бы на месяц где-нибудь в пещерах или в пустыне.

На вокзале мы долго искали на путях нашу электричку, чертыхаясь по поводу опасных для жизни переходных мостов и весьма скромного количества фонарей. Правда, в этот раз, памятуя о плохом освещении, я прихватила с собой фонарик и сейчас светила им на ступеньки.

Когда поезд наконец тронулся – всего минут на двадцать позже расписания – Анька, забившись в угол у окна, проскулила:

– Я в туалет хочу.

Со стоном, похожим на рев раненого носорога, Лелька рухнула на лавочку напротив нее.

– Настька! Я же говорила: не надо ее брать!

Три станции подряд мы обсуждали сложившуюся ситуацию. С Анькой действительно было нелегко. Туалет на нашем вокзале работал в идеале до часа ночи, но закрывался, как правило, в половине двенадцатого. Однако август уже, вечером темно. Нашли бы место. Но Аня, верная себе, выдала пожелание только сейчас. О чем она, интересно, думала?

Мы с Лелькой взволнованно решали, что теперь делать. Выйти из поезда – это значит сидеть до утра на непонятной станции. А то и в милицию попасть. Не любят у нас стражи закона тех, кто ночует на вокзале. А ехать нам долго – больше пяти часов. Не успели мы договорить, как в наш вагон, до сих пор мирно пустовавший, ввалилась веселая студенческая компания.

Три станции подряд студенты трювили нам анекдоты и угощали пивом. Мы с Лелькой, поглядывая на несчастную Анькину физиономию, от пива отказывались. Затем студентов сменил дедуля-ветеран,

который почти полчаса рассказывал нам почему-то не ветеранские байки, а стихи в стиле «Василий Теркин». Лелька как известная грубиянка пару раз шепотом предлагала всем троим свалить в другой вагон, однако Анькино воспитание было выше этого. Не успел выйти из вагона дедушка, как вошли две тетушки с полными ведрами яблок.

– И чего их черт носит по ночам? – прошипела рассвирепевшая Лелька вслед выходящим на очередной станции тетушкам.

У Аньки было такое лицо, что я не на шутку встревожилась.

– Так. Анюта, пока никого нет, забудь на пять минут все, что тебе мама с бабушкой говорили, пошли в тамбур.

– Не-е-ет! – взвывала несчастная Анька.

– Настька! – скомандовала моя лучшая подруга. – Подними ее за шиворот, а то она прямо тут лжуху сделает!

Едва я прикоснулась к Аньке, как она сказала замогильным голосом:

– Все.

– Что «все»?! – сурово поинтересовалась Лелька.

– Уже поздно. Теперь я уже никуда отсюда не встану.

И тут Лелька проявила чудеса героизма. Она подхватила Аню под мышки и потащила в тамбур со словами:

– В этом деле никогда не бывает поздно.

Я не могла пропустить столь захватывающее событие и помчалась за ними.

Впоследствии я не раз вспоминала этот постыдный эпизод своей жизни и задавалась вопросом – если бы в советское время ответственные товарищи (ну, например, те, кто проектировал вагоны в электричках) больше думали о людях, может, мы бы выросли другими? Ну более законопослушными, ответственными, приличными... Вроде... Джека, например. (Но только не такими занудами!)

Едва мы пристроили Аню в тамбуре, как поезд подошел к станции и услужливо распахнул автоматические двери.

Две тетки с ведрами – ни дать ни взять родные сестры только что отчаливших – ринулись было в вагон, но, завидев нас, отпрянули и начали в два голоса поносить современную молодежь. За молодежь не скажу, в возрасте под тридцать уже имею право себя к оной не причислять, но мы не дослушали все, что говорили нам тетки, и помчались через весь поезд, остановившись лишь тогда, когда перед нами замаячила сплошная стенка без двери – верный признак того, что мы добежали до первого вагона.

– Давайте сойдем сейчас же! – заняла наша Аннет.

– Ага, а сумки свои ты кому подарить хочешь?!

Перед нами стояла неразрешимая задача – как вернуть свое имущество из оккупированного злыми тетками вагоном. Ну зачем им понадобилось заходить именно в наш?! Ехали бы сейчас себе спокойно и не волновались по поводу того, какое свинство мы учинили в тамбуре!

– Я туда больше не вернусь! – категорически заявила Анька.

– Хорошо, – смиловалась Лелька. – Сиди тут и жди нас. Мы скоро. Баб закидаем твоими пирожками, если будут орать.

В конце концов, голову тетки нам не откусят. Пусть орут что угодно. Заберем свои вещи и уйдем, чтобы их не раздражать. На наше счастье, тетки уже вышли или просто перебрались в другой вагон. Наши сумки смиренно стояли там, где мы их оставили. Все-таки есть в ночных поездках свои преимущества – нас не было минут пятнадцать, а вещи до сих пор никто не спер!

На рассвете мы тащили свои баулы по сельской тропинке и вздрагивали от холода. Небо на востоке зеленело, во многих домиках уже зажегся свет.

– Тсс, девчонки! – шепнула Лелька, и мы втроем быстро шмыгнули в кусты. К нам приближались два бодрых мужских голоса.

– Это мой братец и дядька в коровник идут, – пояснила Лелька. – Давайте их напугаем.

Мы затаились. Когда голоса оказались совсем рядом, мы втроем взвывали страшными голосами.

– Брось дурить, Анелия, – послышалось в ответ на наш кошмарный вой. – Настя, вылезайте. Мы вас еще ночью ждали, даже калитку не заперли.

Пристыженные, мы вылезли из кустов. Лелькин дядька дал нам ключ и посоветовал сразу же ложиться спать. Мы так и поступили, расположились в доме давно знакомый диван и бросили жребий, кому спать на раскладушке. Выпало Аньке. Она поворчала немного и стала устраиваться. Лелька в утешение выделила ей лучшее одеяло.

Пока мы с Лелькой по очереди бегали в маленький деревянный домик в огороде и плескались у жестяного рукомыльника, Анька рылась в своих вещах. Я, уже облачившаяся в пижаму, с удивлением увидела, что она методично раскладывает на постели все, что помещается в ее сумочке.

– Ань, ты чего? – Спросила Лелька, заходя в комнату.

– Ключи пропали.

– Как пропали?

– Кому они нужны, ключи твои?!

– Это там, в автобусе. Нас отвлекли с твоим телефоном, а у меня вытащили ключи!

– Да ты сама их посеяла! У тебя же сумка расстегнута была!

И тут Анька серьезно заявила:

– Не могла я их просто так посеять. У меня ключница была, она пристегивалась внутри сумки.

– А домой ты как заходила?

– Да не заходила я домой! Сразу к маме и пошла.

Лелька села на кровать.

– Слушай, ты хорошо искала?

– Да! – Анька потрясла перед ней совершенно пустой сумочкой.

Глава 9

Ничего нового

В каждой деревне обязательно найдется тетушка, которой, как говорится, больше всех надо. Она пытается выгнать народ на субботник как раз в тот день, когда половина односельчан дружно сажает картошку или в деревне намечается свадьба, она лезет в чужой огород и указывает, где и что надо сажать, она точно знает, что делали все соседи в радиусе нескольких километров и чем были заняты их дети в школе и после школы. У этих тетушек на счету не только каждая лошадь, коза или корова, но даже кошки, собаки и куры. Одна из таких сельских фурий жила по соседству с Лелькиным дядюшкой. Не так давно она предъявила дядьке претензии – мол, их кошка лазит по ночам в ее курятник и цыплят давит. И хоть бы ела, бессовестная! А то ведь зарызет и бросает. Лелькин кузен изо всех сил отстаивал невиновность своей любимицы – кошка была приучена птицу не трогать. Но соседке разве объяснишь? Зная, что кошка обычно ночует в гараже, соседка подкинула в кошачий лаз особенно завлекательный кусок ливерной колбасы с ядом. Гараж на самом деле был сараем для сельхозинвентаря и тому подобных вещей, но, поскольку в нем доживал свои дни на пенсии пожилой «Москвич», наш с Лелькой ровесник, сарай назывался все-таки гаражом. Кошка вечером по обыкновению ушла туда, а на утро Лелькин дядя примчался к сыну с известием: в гараже валяется сверху лапами полтора десятка крыс, а кошка ходит между ними, живая и здоровая, изумленно мяукая. Кузен пошел скандалить к соседке. Неизвестно как, но ему удалось убедить эту непробиваемую женщину известить крыс у себя. Она несколько недель планомерно раскладывала отраву так, чтобы до нее не добрались

куры, и с тех пор убийства цыплят в ее курятнике прекратились.

Мы застали только финал крысино-кошачье-куриной мелодрамы. Соседка пришла к Лелькиному дядьке с пирогом и извинениями. Пирог стоял посреди кухонного стола – по информации, с картошкой и грибами – и сиял на всю кухню прекрасной румяной корочкой.

– Даже не знаю, что делать, – сказал кузен, задумчиво потыкав пирог вилкой. – Вдруг отравленный?

– Не дури, – отрезала Лелька. – Хороший пирог. Я бы съела.

– Да с этой мегеры станется мухомор туда засунуть.

– Ерунда. Людей-то ей зачем травить?

– Да будь ее воля, она бы половину деревни прикончила.

– А вот тут ты и не прав, – я душераздирающе зевнула. – Если она всех соседней уморит, с кем тогда будет ругаться?

Я ужасно не выспалась. Вчера вечером (вернее сказать, сегодня рано утром) мы отчаянно названивали Анькиной маме. Разбудить ее удалось только с четвертого захода. Проклиная растяпу Аньку, ее бедная мама достала запасной ключ и ни свет ни заря потащилась к Аньке домой, проверять, все ли там в порядке. Анька же запаковала назад свои вещи, и мы проводили ее на первую утреннюю электричку. В итоге обе с Лелькой поспали часа три.

– Не надо было ее с собой брать! – гудела Лелька мне в ухо, пока мы шли от станции домой.

Сама знаю, что не надо.

Едва я натянула на голову простыню (Лелька уже вовсю сопела носом рядом со мной), как запищал мой мобильный. Я со стоном взяла его – Дима на связи. Пришлось ответить под недовольное Лелькино ворчание.

– Рыба моя, ты где?

Так. Хорошо выходные начинаются. Во-первых, я рыба, во-вторых, за неделю два раза спрашивала, не поедет ли он со мной.

– Милый, я в деревне. Куда мы всегда с Лелькой ездим.

– А, да, помню. А когда ты вернешься?

Борясь с искушением брякнуть «после нового года», я сладко проворковала:

– Завтра вечером, Димочка. Я же работаю.

– Я вот зачем звоню – в понедельник нас следовательно ждет к девяти.

Вот черт! И зачем я во все это вляпалась? Пусть хоть половину олигархов убьют, мое дело сторона. Я только-только вышла на новую работу, а тут придется отпрашиваться. И все из-за человека, которого я знать не знала и в глаза не видела

– живым, по крайней мере. Нужен он мне! Не желаю никаких расследований, не хочу быть никаким свидетелем, почему меня не оставят в покое?! Дима, исполнив свой гражданский долг, отключился, а я принялась жаловаться сонной Лельке. Почему у нас милиция такая? Они что, призваны отравлять людям жизнь?

– Но если им не помочь, они ведь убийцу не найдут.

Да они вообще никого никогда не найдут!

Однако, как ни клокотала во мне обида на то, что меня впутывают в олигархически-милицейские игры, я все-таки заснула. И во сне вспомнила, что опять не спросила у Димы про директорскую почту. И поняла, почему меня смутила история про мужика с кикиморой на пляже. Но когда проснулась, все начисто забыла.

* * *

С Димой я познакомилась после Нового года, когда оканчивала институт. Близился последний семестр моего обучения. Не самое хорошее время для нового уха-жера, но он, как ни странно, мне не очень мешал. Появлялся всегда кстати, бегал в магазин за продуктами, помогал чем мог, а иногда интересовался, как я готовлюсь к госэкзаменам. Сунув нос в учебник по морфологии, он сходу сообщил:

– Вот вроде бы и по-русски написано, но ничего не понятно.

Я только похихикала. Чтобы все это стало понятным, надо несколько лет, а не минут. Но что Диму заинтересовало – так это язык наших предков. Он сосредоточенно рылся в учебниках по старославянскому и исторической грамматике, часами сидел со словарем, и к тому времени, когда я получила диплом, мой любимый научился запросто читать «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила заточника», всевозможные летописи и жития, а также и другие памятники родной литературы. Понятное дело, более новые книги издания шестнадцатого – восемнадцатого века были для него вообще как семечки. Он не интересовался падением редуцированных* и всякими там палатализациями**, но текст понимал прекрасно и даже знал буквенное обозначение цифр, которое наши предки использовали до тех пор, пока не перешли на общеизвестные арабские и латинские цифры.

В первый раз серьезная ссора у нас состоялась в самом разгаре весны – в день перехода на летнее время. Часы, как известно, переводят в ночь с субботы на воскресенье. В понедельник я намечала встретиться в десять утра с научным руководителем. А до того сбежать в библиотеку – обменять кучу книг на другую такую же

кучу. В субботу я поехала в гости к Лельке, а в воскресенье утром ко мне пришел Дима. Нашел в условленном месте ключ от двери, принес сахар, молоко и стиральный порошок, посмотрел у меня телевизор, покормил кота, понял, что я приду не скоро, перевел у меня в доме все часы и ушел, запятив ключ на прежнее место. Я пришла довольно поздно, попила чаю и, не сверившись ни с наручными часами, ни с телевизором, перевела всё еще на один час, после чего завалилась спать. И в итоге пришла к запертой библиотеке с пачкой книг на горбу в восемь утра. С тех пор у нас с Димой словно проклятие – если он рядом, то вечно что-то случается, и я в итоге не высыпаюсь.

* * *

Выходные мы с Лелькой провели плохо. Сходили с кузенком в лес, потом наготовили шашлыков. И пирог соседский съели до крошки (все остались живы и решили, что либо вредная тетка наконец подобрела, либо у нас всех иммунитет к мухоморам). В понедельник в милицию меня задержали всего на полчаса – подтвердить показания. Ничего нового я им не сказала, как, впрочем, и они мне. Следствие упорно пробуксовывало на месте. Удивительное дело – у Диминого директора не было серьезных врагов. Никому он не навредил, никого не подсел. И подчиненные его любили. Во всяком случае, не ругали. Не допускал он явной несправедливости во вверенном ему филиале. И никто не претендовал на его место. Уже выйдя из милиции, я снова вспомнила, что не рассказала им о таинственной почте, которую Александр Ефремович ожидал в ту ночь. Я разозлилась на себя и нарисовала на руке большой жирный крест. Если Дима явится до того, как я смою это дело, у меня есть шанс хоть что-нибудь у него узнать.

Неделя прошла спокойно. В пятницу вечером Дима сидел у меня дома, дождался ужина и от души веселился, читая «Все красное»***. Лингвистические упражнения датского полицейского были ему понятны так же хорошо, как и мне. Накануне мой ненаглядный осуществил наконец свою мечту и явился ко мне... ну, не на белом коне, но на белом «Фольксвагене». Смутно я подумала, что это, наверное, довольно дорогая машина. Интересно, вроде не похоже, чтобы Дима во всем себе отказывал. Или это богатый папа (который давно развелся с мамой) вспомнил про Диму? Отстегнул подарочек. Только по какому поводу? Ладно, потом все выясню. Дима приехал ко мне хвастаться. Официальное обмывание нового коня, то есть «Фольксвагена», должно было состо-

яться в исключительной мужской компании в воскресенье. Я решила не обижаться на такую мелочь – подумаешь, меня не пригласили. Зато я первая увидела Димину новую игрушку. У меня было слишком хорошее настроение. Уютно возиться вечером в теплой, пропахшей приправами кухне, когда за окном уже темнеет и вовсю идет дождь. А тут осторожно булькает кастрюля, бубнит телевизор, который никто не смотрит и не слушает, Дима рядом... И вдруг, прерывая мои благостные мысли, зашелся в истерике дверной звонок.

На пороге стояла Анька с перекошенным лицом.

– Пойдем со мной, – заявила она.

– Куда?

– Ко мне домой.

– Зачем это? – я уже начала жалеть, что открыла ей дверь.

– ПОЙДЕМ! – потребовала она, ничего не объясняя.

Вот всегда она так! Я вздохнула, выключила плитку, сообщила Диме, что он может поесть, надела плащ прямо на домашний халат и отправилась к Аньке.

Стенка Анькиной квартиры напомнила мне рассказ Миши про охоту за кладами. Со стороны прихожей в ней когда-то был стенной шкаф. Анька за ненадобностью шкаф убрала, а на его место определила простую типовую прихожую – с вешалкой, зеркалом и ящиком для обуви. С другой стороны бывший шкаф был заложен кирпичами в один слой. Под ними находились доски. Днем, когда Анька ушла на работу, кто-то зашел в блок, разобрал почти все кирпичи и проломил доски.

– Балда! Ты хоть замки-то поменяла после того раза?

Плачущим голосом Анька заявила, что поменяла в квартире, а в блоке не могла, соседи были против. Рассвирепев, я вытщила в блок соседей, показала им стенку Анькиной квартиры и пригрозила, что потащу Аньку писать заявление в милицию. Они, похоже, испугались не столько милиции, сколько того, что в их квартиру тоже прорубят дополнительную дверь, и согласились немедленно установить новые замки.

– Что-нибудь пропало? – спросила я.

– Нет.

– Точно?

– Точно. Я все посмотрела.

Я попыталась проверить, мог ли человек пролезть в образовавшееся отверстие. У меня выходило, что достаточно худой и гибкий – мог.

– Поменяй еще раз свои замки. И переставь замок на блоке. Если соседи заноют, скажи – оставишь без ключей.

Анька согласилась.

Я шла домой и думала, позвонить ли

Мише. Потом решила, что не надо. Анькин дом совсем не старый, вряд ли там кто-то искал клад. Но что людям понадобилось в ее квартире? Нет у нее ни золота, ни алмазов, ни акций. И зарплата маленькая.

Миша был у меня дома. Как выяснилось, тоже по делу – у него пропал Джек. Я понятия не имела, где может обрестаться Джек, не видела его уже больше недели. Миша спросил, не знает ли чего Анька, может, ей позвонить, и тут я сообщила ему про разобранную стенку. Миша не очень заинтересовался, правда, спросил:

– У нее дом старый?

Ну вот! И он про то же!

– Нет, Миш. Дом где-то восьмидесятого года, обычная девятиэтажка. Даже не знаю, откуда там кирпичи. Наверное, перепланировку сами делали.

– Ничего не находили?

– Миш, ну что там можно найти, кроме мусора и стекловаты?

– И все-таки пусть припомнит, что там было. И обязательно замки переставит.

Я ответила, что энергичная Анькина мама уже пригнала к ней какого-то знакомого ремонтника, чтобы он заделал дыру и сменил все замки. Чем быстрее, тем лучше.

Миша рассказал нам с Димой, что Джек вчера вечером поинтересовался, где в нашем городе есть ближайший спортивный клуб. Как выяснилось, ему нужен не просто клуб, а какой-то там особенный. Самый крутой клуб в нашем городе находился довольно далеко от временного пристанища Джека, около стадиона. Миша объяснил Джеку, как туда добраться, и с тех пор его не видел. А сегодня, между прочим, был рабочий день. И где искать заблудшего иноземца, никто в Мишиной фирме не знает.

– Сообщи в милицию, – предложила я.

– Спасибо, я еще в своем уме, – проворчал Миша.

* * *

Звонок поднял меня в половине второй ночи. Мыча сквозь зубы что-то нечленораздельное, я доползла до телефона. Ну, если это Анька, я убую ее своим рыком!

– Анастасия?

– Чего? – сонно возмутилась я.

– Простите, могу я услышать Анастасию Неведрову? – послышалось в трубке очень официально. В моей голове немедленно завертелось: что-то случилось? Родители? Или брат? Может, Дима «обновил» свой «Фольксваген»?

Мои сомнения разрешил милицкий голос:

– Вы знакомы с мистером Джеком Томпсоном?

– А что он натворил? – осторожно поинтересовалась я.

– Он-то ничего, но мы были бы рады, если бы вы приехали. Установить личность, так сказать, и решить, что нам делать дальше.

Я уронила телефонную трубку на стол. За что мне это наказание? Теперь еще и Джек! Если этот кретин позволил себя убить, я никогда ему не прощу!

* Падение редуцированных – фонетический процесс утраты *ъ* и *ь* как самостоятельных фонем в истории славянских языков.

** Палатализация (от лат. *palatum* – нёбо) – смягчение согласных, дополнительный к основной артикуляции согласных подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу. П. сочетается с любой основной артикуляцией согласного, кроме среднеязычной.

*** «Все красное» – детектив польской писательницы Иоанны Хмелевской. Один из персонажей этой повести пользуется сильно устаревшей формой польского (при переводе – русского) языка.

Глава 10

Приключения Джека

Бывают такие женщины, которые пользуются духами столь обильно, что способны затмить все запахи на милю вокруг. Включая утренний перегар в транспорте и ароматы уличной помойки. Дама в духах еще только открывает дверь и вступает на лестницу, а на втором этаже у всех уже явные признаки удушья. Даже у тех, кто сроду не страдал сенной лихорадкой. «Комаров она отпугивает, что ли?» – подумала я, сидя в приемной у очередного милицейского следователя и опознавая по запаху ответственную представительницу миграционной службы. Джек сидел напротив меня, а рядом притулился заспанный Миша. Последнего я разыскала у Лельки. Между прочим, не без труда убедила ее, что Миша нужен не мне, а Джеку, который попал в сложную ситуацию. Ехать в милицию среди ночи Лелька наотрез отказалась. А мне-то каково!

Представители закона вкратце обрисовали нам ситуацию – сегодня чуть позднее полуночи данный иностранец (Джек то есть) ввалился в спортивный клуб весь в крови и с синяком на лице, перепугал охрану, но ничего внятно объяснить им не смог. (Еще бы! Охрана ни слова по-английски не знала, а он – ни слова по-русски!) В итоге из клуба вызвали скорую помощь и милицию. Иностранец без до-

кументов заявил, что он Джек Томпсон, и сказал, что надо позвонить к нему домой. Его домашний телефон не отвечал. Тогда Джек стал звонить своему непосредственному начальнику (то есть Мише), а поскольку Мишин телефон тоже не отвечался, стал лихорадочно припоминать, кому бы позвонить еще. И вспомнил про меня. Таким образом я оказалась втянута в телефонно-милицейскую эпопею.

В изложении Джека история выглядела так. После разговора с Мишей он пошел в спортивный клуб, но не дошел, так как по пути встретил соотечественника, которого и приютил сперва в ближайшем баре, а потом у себя дома. Сегодня вечером они оба пошли в клуб, Джек там немного задержался, соотечественник же отправился в квартиру Джека и, похоже, допил все, что там было, потому что телефон не отзывается. Сам Джек вышел из клуба не поздно, где-то в половине двенадцатого («Ничего себе, не поздно!» – возмутился Миша) и отправился домой. По пути ему встретились два агрессивно настроенных молодых человека, которые что-то спросили у него по-русски. К сожалению, Джек не понял, что именно, и повторить не может – это было слишком длинно. Джек ответил им по бумажке, которую написал ему Миша: «IZVINITE, JA INOSTARANETS, JA NE GOVORJU PORUSSKY, sorry». В ответ на это ему грозно сказали короткую, но, похоже, очень страшную фразу: «HULIDY BYZZ DYSH?!» Джек ее не понял и получил с двух сторон – в глаз и в челюсть. Челюсть Джека не посрамила национальную гордость Америки и натиск врага выдержала достойно. То есть ни одного зуба, к счастью, Джек не лишился, зато очень испугался, так как ничего не сделал такого, что могло бы вызвать столь сильную ненависть у аборигенов. Он всегда был против неокolonизма и не понимает, из-за чего вышел столь прискорбный инцидент.

Я подумала, что местные гопники вряд ли знают загадочное слово «неокolonизм», но, возможно, именно это они и подразумевали, оскорбившись на иностранца, не желающего с ними разговаривать.

Миша, судя по выражению его лица, напряженно размышлял, что значит загадочная фраза «HULIDY BYZZ DYSH?!» До меня неожиданно дошло, и я растолковала бедному Джеку: ничего страшного два плохо воспитанных молодых человека не сказали. Они просто имели в виду, что Джек, кажется, хочет их обмануть, чтобы не делиться с ними нечестно нажитыми буржуйскими доходами. Миша тоже сообщил и сердито зашелпал мне на ухо:

– Надо было ему на бумажке написать:

«REBJATA, U MENJA VABOK DO HRENA!»

Джека обиделся и заявил, что у него все доходы честные. Я лишь махнула рукой – я не настолько хорошо знаю английский, чтобы объяснить этому человеку особенности национального самосознания.

Тут к нам поднялась наконец поборница интенсивной антикомариной терапии (по совместительству присматривающая за иностранными гражданами, приехавшими на заработки в наш город) и быстро навела порядок. Закрыла дело, а заодно и рот у милицейского следователя, забрала документы Джека и вызвалась сопроводить его домой, чтобы разобраться с его постояльцем.

Душистая дама забрала Джека и укачала с ним на такси. Я вздохнула полной грудью (о счастье, наконец-то воздух!), и мы с Мишей пошли ловить другое такси.

– Ты бы знала, как он мне надоел! – жаловался Миша по дороге домой. – Уж я учу-учу его русскому, но он сопротивляется, как осел! Будто вся страна должна срочно выучить английский, раз к нам Джек приехал! Я уже ему объяснял – ну, виноваты мы. Ну, плохо у нас в школах учили иностранным языкам. И сейчас не очень. Я и разговорник ему купил, так ведь все бесполезно!

На роль жилетки я мало подхожу, но тут поняла – надо выслушать. Лелька вроде ли позволяет ему высказаться. Она Джека не выносит. Любит его только тогда, когда он с Анькой. Так как они оба отвлекают друг друга от нас.

* * *

Утром я обнаружила на руке большой жирный крест. Не помню, зачем я его нарисовала, но ассоциировался он у меня с Димой.

Мой любимый ответил без особой охоты.

– Дим, я хочу знать, пришла к твоему директору почта или нет.

– Настя... – простонал он. – Сейчас девять утра. Я вчера поздно пришел. Ох, давай потом, а?

– Нет, – я была беспощадна. – Сейчас.

– О господи... Какая почта? Какой директор?

– Директор – покойный, разумеется, а почта электронная.

– Ну и зачем покойнику электронная почта? – Или он притворяется, или правда ничего не сообщает.

– Дим, проснись. Помнишь, как мы нашли твоего директора?

– Ну?

– Ну, когда мы только шли туда, я еще спросила, чего это он в праздник, на ночь глядя, сидит на работе. А ты сказал – ждет почту очень важную из Москвы, помнишь?

– Нет.

У меня возникло острое желание треснуть Диму по голове. Жаль, что мы говорим по телефону.

– Настенька, ты что-то напутала. Не знаю я ни про какую почту. – И отключилась, подлец, прежде чем я успела хоть слово вставить.

Положив трубку, я призадумалась. Врет? Но зачем? Может, правда не помнит? А зачем тогда покойник сидел в своем кабинете, когда ему полагалось быть с коллективом и есть стеклянный лососся? То есть нет, уже будучи покойником, он имел полное право сидеть, где сидел, и не приходиться на праздник. А вот до того? Кто его заманил в кабинет и зачем? То есть понятно, зачем – пристукнуть без свидетелей. Но повод-то убийца наверняка придумал. И весьма серьезный. Иначе не заставишь человека сидеть ночью на работе. А Дима точно мне говорил про почту. Я не была пьяна и все отлично помню. Может, там, в письме, что-то ужасно секретное, и вообще никому ничего знать не надо? Да ну, шпионы они, что ли?

Я окончательно запуталась и вся в сомнениях позвонила Мише.

– Слушай, очень нужна твоя помощь.

– Лельку с собой вести?

– Веди, пригодится. (И ревновать не будет.) А с Виталиком ты можешь связаться?

– Еще как могу! А зачем тебе Виталик?

Я и сама пока не знала, зачем мне Виталик. Он рассказывал про совсем другого директора. Но я смутно чувствовала – убийства директоров как-то связаны, и если я пойму, как произошло одно из них, то докопаюсь и до второго.

Спустя час я угощала чаем бывших одноклассников. Лелька не пришла, сославшись на занятость. Она спешно делала дома уборку, так как ожидалось нашествие деревенских родственников. Лелькин дядька придерживался вековых традиций и в разгар бабьего лета всегда приезжал в город – за покупками.

– Виталь, ты там был, скажи, этот мужик с кикиморой что-то ел или пил?

– Думаешь, его отравили?

– Ничего подобного, – встрял Миша. – Я знаю это дело. Проверено. Никаких ядов.

– Ну а вдруг... подсунили ему цианистый калий какой...

– Как раз цианистый калий очень легко выявить, – авторитетно оборвал меня Миша.

– Ну, еще что-нибудь.

– Не было там НИЧЕГО! – Миша, похоже, разозлился.

– Ты откуда знаешь?

– Интересовался специально. Про-

верили на яды. В том числе на редкие и экзотические.

– И ничего?

– Абсолютно. Он умер от естественных причин. От сердечной недостаточности, кажется.

– Вы ж говорили, был здоров, как бык.

– Ну не помню я точно, от чего. Но вполне обычное дело, у врачей сомнений не было.

– А у меня вот есть!

– Сок он пил! – неожиданно провозгласил Виталик.

– Вот видишь! – восторжествовала я.

– Ну и что? Я тоже сок пью, причем довольно часто.

– Когда он пил сок, Виталь?

– Да перед тем, как купаться полез. Агент Смит ему дал сок, видимо свежий, а не из пакета.

– Какой?

– Тебе-то зачем? Я не знаю, он мне попробовать не давал, – сказали Миша и Виталик в один голос.

– Так ты не видел, какой сок? – я решила игнорировать Мишу.

– Настенька... глупо все это.

– Абрикосовый, кажется. Или апельсиновый. – Я скривилась. От апельсинового сока у меня прямо зубы скрипят. – Я изда- лека плохо видел. Скорее, абрикосовый.

– И что тебе это дает? – ехидно спросил Миша.

– Отвяжись. Пока не знаю.

Я и правда не знала. Ну, выпил человек сок (сок еще никому сам по себе не повредил). Пошел купаться. Поговорил по телефону. И умер. Только я решила достать бумагу и карандаш, чтобы упорядочить свои подозрения, как позвонил Джек. Я передала трубку Мише, он поймет лучше меня. Миша выслушал Джека с каменным лицом, потом коротко ответил, что сейчас придет, и повернулся ко мне:

– Аня ваша попала под электричку.

– Чего?!

– Да ты не бойся, Джек ее выхватил буквально из-под колес.

Вот растяпа! (Анька, не Джек.) Кстати, раз уж все равно придется с ней увидеться, надо спросить у нее, как она попала на остров в ту памятную ночь, когда мы встретились в кустах за палаткой. Мне вдруг показалось, что Анька тоже что-то видела и слышала, просто по своему обыкновению не придавала этому значения и никому ничего не рассказала.

Глава 11

Тыквы превращаются

На улице снова вовсю шел дождь, и я немедленно промочила ноги. Ну вот, еще

заболеть не хватало – у меня испытательный срок не закончился, а я из-за Аньки с Джеком на больничный попаду... Лелька выскочила нам наперерез – в незастегнутом плаще и с бутылкой армянского коньяка. Виталик тихо ахнул у меня за спиной.

– Это что, она и есть, Мишкина девушка? Вы же с ней вроде вместе ездили к нам на остров.

– Да. По совместительству она – моя лучшая подруга.

– Красивая... Мишка всегда себе прихватит, что получится. Я еще тогда заметил – она на Милу Йовович* похожа.

– У нее бабушка молдаванка.

– У кого? У Милы Йовович?

– Балда! У Лельки. А у Милы – папа болгарин. Ну, рядом же... Вот и похожа.

Виталик, кажется, ничего не слышал, он наблюдал за Мишей и Лелькой. Миша тем временем отобрал у Лельки бутылку со словами:

– Дорогая, давай это как-то по-другому понесем. А то тебя неправильно поймут...

Лелька, похоже, так разволновалась от мысли о возможной Анькиной гибели под колесами поезда, что коньяк в первую очередь нужен был ей самой. Интересно, помнит ли она, что Анька принципиально спиртного не пьет?

Анька, похоже, и сама не помнила, что она спиртного не пьет. Отхлебнув почти полстакана, она даже не поморщилась и принялась нервно рассказывать, как они с Джеком стояли на пригородной станции – возвращались вечером домой (Анька решила свозить Джека на берег реки, довольно далеко от города, показать местную природу и разнообразить, так сказать, его культурную программу в России). Позади них сгрудились агрессивные настроенные старушки с тележками. Джек, к счастью, не только не понимал, но и не замечал бабушек, зато Анька готова под присягой подтвердить – пожилые дамы явно невзлюбили ее с первого взгляда. Воспитанная Анька в склоки вступать не хотела, поэтому решила просто отойти от бабок подальше и потащила ничего не понимающего Джека вдоль перрона. Старухи поперлись следом, высказывая недовольство и даже угрозы в адрес Аньки. Она отчетливо слышала, как одна из злобных бабушек высказала пожелание приложить Аньку головой об лестницу, если соплячка первая ринется в вагон. Анька даже испугалась – ну что им вагонов мало, что ли? И почему именно на нее надо изливать накопившуюся злость? В правительстве Анька не состоит, пенсии не выдает, пожилых людей не объедает... Даже место уступает в транспорте, хотя это сейчас немалодно. А зарплата у нее небольшая, при всем желании поделитель-

ся не сможет – самой надо как-то жить, к тому же без льгот и компенсаций. Джек ничего не понимал, но послушно таскался за Анькой вдоль перрона. Бабки – следом.

Когда показалась, наконец, электричка, Анька встала, по ее словам, довольно далеко от края платформы, и тут кто-то сильно толкнул ее в спину. Она полетела прямо под поезд, который отчаянно загудел, не имея возможности остановиться. К счастью, у Джека оказалась прекрасная реакция. Он схватил Аньку за шиворот буквально в последний момент, когда она уже была готова сорваться с платформы. Бабушек, конечно, как не бывало. Вокруг Аньки и Джека завертелся круговорот людей, сквозь который пробился местный милиционер. В итоге Анька с Джеком едва уехали домой на самом последнем поезде, так как милиционер счел своим долгом прочесть им целую лекцию о последствиях легкомысленного поведения в зоне железной дороги и взять штраф. Анька даже разревелась, доказывая, что толкнула ее, скорее всего, одна из агрессивных старух, сама она под поезд ни за что бы не сунулась, так как до смерти их, поездов всяких, боится. Но милиционер никаких старух, конечно, не видел, а Анька – вот она, просто чудо, что жива осталась. Как выяснилось, Джек на родине активно занимался теннисом и баскетболом, поэтому сумел поймать незадачливую Аньку и удостоиться милицейской похвалы. Штраф, впрочем, оплатил тоже он.

Анька так разволновалась, рассказывая нам свою историю, что залпом допила свой коньяк и ужаснулась:

– Леля, ты из меня алкоголика сделаешь!

Лелька потягивала из своего стакана и всхлипывала:

– Ну что за народ! Убить человека готовы ни за что!

Миша стоял рядом с ней, опустив руки.

Да уж... Впредь я тоже постараюсь держаться от пожилых людей подальше. Вдруг у меня тоже вид какой-нибудь... вызывающий, что ли?

– Хочешь, я попрошу друзей из тех, кто по уголовным делам, пусть добьются расследования?

– Ага, а потом выяснится, что всем этим бабулям лет по семьдесят... Или после скольких там у нас в тюрьму не сажают?

Миша только вздохнул. Наверное, и сам понимал, что дело гиблое. Не везет что-то нашей Аннет в последнее время. То ключи потеряет, то под поезд попадет. Надо ее утешить. Когда мы шли домой, я тихонько предложила Лельке:

– Давай весь завтрашний день будем заниматься только Анькой. Ну там платья

ей выбираем, накрасим, прическу делаем?

– Мысль! А потом уговорим Джека отвести ее в театр, например.

– Ага, пусть сходят на известную пьесу. Которую переводить не надо особенно. Типа «Сна в летнюю ночь» или «Тетки Чарлея».

– Ты уверена, что они там, в Америке, читают Шекспира?

– Ладно, напечатаем ему литературный аналог заранее. Только потрудись выбрать пьесу, которую легко найти в Интернете, а то я за себя не отвечаю.

– А ходить в театр – это в Америке круто или, наоборот, стремно? – задумчиво спросила Лелька.

– Ну, на мюзиклы и всякие праздничные утренники, по-моему, ходят все, а вот на нормальную пьесу... Даже не знаю. Знаю, что в оперу ходят только самые богатые, и билеты туда – как на самолет.

– О! Точно! Пусть идут в оперу.

– Угу, и там Анька Джека не добудится.

– Ерунда! Главное, что такое впечатление останется: Джек Томпсон был в опере!

– Слушай, – меня вдруг осенило, – надо с Анькой обсудить этот вопрос. Она-то лучше нас знает, что Джеку нравится, а что нет.

* * *

В воскресенье утром Лелька ввалилась ко мне домой в несусветную рань.

– Настя, на нас падает комета.

Я вытаращила на нее глаза. Ей, что, приснилось что-то? Я позвонила Мише, попросила его прийти ко мне и стала поить Лельку чаем.

Оказалось, все дело в журнале. Новость о комете была напечатана на первой странице. Журнальчик при ближайшем рассмотрении показался мне не очень респектабельным. Миша пришел, с порога сообщил, что он не завтракал, получил стакан чая и бутерброд и принял вызнаться, что у нас случилось сегодня. Я показала ему журнал, никак не комментируя. Миша внимательно прочел первую страницу, хмыкнул и стал листать печатное издание дальше. Наконец он произнес:

– Занятное чтение. Вот послушайте, мне очень понравилось... – И он начал неспешно с выражением читать статью, в которой говорилось, что тыквы, если их оставить без присмотра на десять дней, превращаются в вампиров, блуждают ночью по дому и рычат.

Лелька поперхнулась чаем.

– Что, правда?

– Сама почитай... – весело отозвался Миша.

– Нет, Насть, они правда становятся

вампирами? А кабачки становятся? А то я недавно забыла про кабачок, который от мамы привезла, и он у меня пролежал в ящике с картошкой больше месяца!

Давясь от смеха, Миша поинтересовался:

– А почему ты ее-то спрашиваешь?!

– Я у них считаюсь экспертом по нечистой силе, – серьезно сообщила я. И принялась заверять Лельку, что ни в одном мифологическом словаре, ни в справочнике Даля, ни у Орлова**, ни у Булгакова, ни у Афанасьева*** – ну решительно нигде мне не доводилось читать про тыквы или кабачки. Этот журнал – первый. Лелька немного успокоилась. Миша лишь незаметно вздохнул и пожал плечами – похоже, моя подружка очень сильно впечатлилась вчера Анькиной историей и сегодня склонна драматизировать все, что ни услышит, и верить всему, что ни прочитает.

Допив чай, мы решили, что зайдем к Лельке – возьмем ее косметику и пару платьев. А то мои Аньке не по размеру – я слишком высокая, да и с тенями-пеллами у меня не густо, я уже много лет подряд крашусь в золотисто-коричневой гамме, которая идет рыжим, вроде меня, но совершенно не подходит блондинкам – таким, как Анька.

Дома у Лельки было настоящее светоперествление. Дверь нам открыла ее мама и с порога сообщила, что в гостях деревенские родственники. Лелькин дядька, соблюдая многовековую традицию своей семьи, каждый год приезжал в начале осени в город за покупками. В этом году он прихватил с собой сына – то есть Лелькиного кузена, причем одним кузеном дело не ограничилось, дядька прихватил еще одного дядьку – из другой деревни, а чтоб никому мало не показалось, они привезли два мешка картошки и мешок гречки. Поэтому Лелькина мама сейчас должна взять одного из дядек и увезти к себе мешок с картошкой и половину гречки. Вторую половину они оставили Лельке, и дочери тоже надлежит заняться урожаем – рассыпать картошку на газеты, чтоб просохла.

Лелька схватилась за голову, Миша споткнулся о мешок. Кузен уже распечатал бутылку водки и доваривал на Лелькиной плите молодую картошечку.

– Я думаю, вам лучше сходить к Аньке без меня, – печально сказала Лелька.

Я растерялась – а как же Анькин новый имидж? Лелька пожалала плечами – придется перенести на следующую субботу. Я глянула на водку и кузена (который уже с упоением нарезал малосольную селедочку) – да, незапланированный прием, похоже, у Лельки затянется.

Анька была дома одна. Она как раз

закончила уборку. Завесив хозяйку, что мы только что хорошо позавтракали, мы с Мишей уселись в кресла и согласились выпить кофе. Просто диво сегодня какое-то, подумала я, несчастья у Лельки, а у Аньки все ладится – и кофе заварился хорошо, и кексы она догадалась купить в магазине. Причем купила их только вчера, а не неделю назад. Анька, кажется, вполне оправилась от вчерашнего кошмара. После чудесного спасения от поезда она пребывала в отличном настроении и весело смеялась, когда мы рассказали ей про Лелькины несчастья – начиная с кометы и заканчивая картофельным нашествием.

– Вы случайно не знаете, – спросил у нас с Анькой Миша, – она варить гречневую кашу-то умеет? Я слышал, что это довольно трудно.

– Пфы! – воскликнула я – Чего там уметь?! – Потом спохватилась и спросила: – А ты, что, любишь гречку?

– Очень, – признался Миша.

– Но там ее столько, что вам и двоим за год не съесть! – Я помолчала и добавила: – Если что, я ей покажу, как варить гречку. Меня когда-то давно научила одна женщина... Она вообще интересная тетка была, кое-какие ее секреты я запомнила.

– Ноу-хау на кухне? – вежливо поинтересовался Миша.

– Нет. Не только. Я от нее, например, узнала, что натуральный мех можно почистить крахмалом. А насчет трав и продуктов она была прямо ас. Где-то я целую тетрадку храню дома – вся в записках, что и как надо заваривать, печь, тушить.

– Хорошая женщина, – покивал головой Миша.

– А мне дашь списать? – полюбопытствовала Анька. – Знаешь, мама принесла мне тут бузину, говорит, от бронхита хорошо, ты случайно не помнишь, что с ней надо делать?

Анька все-таки была в своем репертуаре. Она рванула дверцу кухонного шкафчика так, что мешочек с бузиной упал на пол. Ягоды раскатились по всей кухне. Рядом с мешочком на самом краю полки стояла небольшая жестяная коробочка. Анька взмахнула руками и сшибла ее на пол.

«Интересно, зачем она держит швейные принадлежности на кухне?» – подумала я, глядя, как Анька и Миша гоняются за разноцветными катушками ниток, стараясь не передавить ягоды.

Прямо у моих ног лопнул полиэтиленовый пакетик со всякой чепухой – английские булавки вперемешку с резинками, разрозненными стразами и бусинками разного калибра. Уж облезлые-то я бы точно выбросила, а что касается страз – кому нужна, например, вот эта, единственная,

ярко-синяя и вероятно большая? Пупок ею украшать, что ли? Зачем только Анька хранит весь этот хлам? Может, надеется когда-нибудь купить платье или джинсы с такими вот стразами – тогда будет запасная. Я представила себе джинсы, усыпанные стразами величиной с пятидесятикопечную монету, и мне стало плохо. Чтобы скрыть смущение, я наклонилась и начала сгребать сорочье счастье Аньки в кучку. И тут в глаза мне ударил нестерпимый блеск. Я выхватила из кучи бусинок сверкающую искорку. Слово в маленькой и пронзительно-чистой капле росы, сосредоточилась у меня на ладони вся зелень самых свежих майских лугов.

– Аня! – вскричала я таким голосом, что моя подруга подпрыгнула, стоя на четвереньках. – Откуда у тебя это?!

– Ты чего орешь? Смети все это на свок – и в мусор. Я б давно выбросила, да бабуля не давала. Ты же знаешь, какая она...

Анькину бабушку, Плюшкина в юбке, я хорошо помнила. Поди, половину этих бусинок бережливая особа собрала на улице! Меня передернуло.

– Ань, вот это, – я протянула руку.

– Да стекляшка, господи! Я ее нашла месяц назад.

– Где? – взревела я не своим голосом.

– Здесь, – беспечно ответила она. – Вы еще были у меня, – ты, Дима и Лелька. Я пошла на кухню, а мы втроем пересматривали мои словари. И эта фитюлька откуда-то выпала. Наверное, из афоризмов, которые я купила в букинисте. Во всяком случае, у меня ничего такого на одежде точно не было. Дима поднял, сказал, что похоже на эту самую чешскую бижутерию... ну, эту, знаменитую. Красивое стеклышко. Вот, наверное, кто-то расстроился!

– И ты сунула его в кучу хлама?! И мне не показала?

– Да оно лежало на столе, на самом виду! Я виновата, что у тебя глаза не туда смотрят?! А потом пришла бабуля и лично сложила, куда следует. Выбрось ты наконец все это, с души воротит!

Я дрогнула – выбросить в мусор вместе с облезлыми бусинами пару моих зарплат – на это способна только Анька. От нестерпимого блеска у меня заслезились глаза.

– Аня, – хрипло сказала я, – видит бог, это не стекляшка!

* Мила Йовович – актриса, США.

** Орлов Владимир – русский писатель, автор трилогии «Аптекарь», «Альтист Данилов», «Шеврикука, или Любовь к привидению».

*** Афанасьев Александр Николаевич

– автор сборников русских народных сказок и монографий по русскому фольклору.

Глава 12

Осенние хлопоты

– Настя, ты точно знаешь, что это изумруд?

– Еще бы не точно!

– Откуда ты вообще в камнях научилась разбираться?

– Да было дело...

Миша резко остановился.

– Что за дело?!

Вот ведь ищайка!

– Миш, ничего противозаконного я не совершала. Просто одно время мечтала стать художником по ювелирным изделиям. Научилась макеты оправ чертить, ну и в камнях разбираться. Знакомый один был, мастер, все мне показывал-рассказывал. А я запоминала.

– Что-то всюду у тебя знакомые, как я посмотрю... – недовольно проворчал Миша.

Мы бежали по мокрой улице, стараясь одним моим маленьким зонтиком укрыться от дождя. Ну и погодка сволочная у нас в Сибири! Не успел сентябрь наступить – уже такая слякоть.

– И сколько он стоит, по-твоему, этот камень?

Я потрогала нагрудный карман. Там, завернутый в десять слоев бумаги и крепко-накрепко заклеенный скотчем в спичечный коробок, лежал найденный в хламе изумруд.

– Ну сам посуди: если в магазине кольцо с камешком чуть побольше песчинки стоит тысяч пять-шесть, то сколько стоит это чудо?

– Слушай, ну я не спец, загадки-то разгадывать. Маленький он какой-то, а ты трясешься над ним, словно он из короны королевы английской.

«Маленький! – мысленно взревела я. – Да все пять карат будет, а то и больше».

– Хорошо, – сказала я со вздохом, – я подробно расскажу, только давай зайдем куда-нибудь, у меня руки уже синие от холода.

Приглашать Мишу к себе домой я, конечно, не собиралась. Мало ли что Лелька подумает, у них и без того что-то не очень отношения в последнее время. Приревнует опять.

Мы заглянули в ближайшую кофейню, убедились, что свободный столик там есть, а кофе нам подали просто замечательный. Я надолго уткнулась в свою чашку, а Миша терпеливо ждал.

– Видишь ли, – начала я наконец, – изумруды – это единственные на данный мо-

мент камня, у которых нельзя искусственно воссоздать кристаллическую решетку.

– Что?

– Ну, то есть не бывает синтетических изумрудов, в общем. Алмазы бывают, а изумруды – нет.

– Поэтому они такие дорогие?

– Именно, – благосклонно подтвердила я. – Кроме того, камни ценятся по весу. Я думаю, этот весит карат пять – для изумруда вполне прилично. Это только в индийских фильмах камни бывают размером с шину от самосвала, а на самом деле крупный камень – большая редкость.

– Я знаю, знаю. Я этот, как его, алмаз Шах в музее видел. Думал, там глыба страшная, а он так себе, меньше, чем кулак.

– Куллиан** был немного больше, – проронила я.

– Был? А куда он делся?

– Распилили, – сказала я, – но это к делу не относится. Наш-то изумрудик еще и яркий вон какой. От так называемой чистоты воды цена тоже ох как сильно зависит. Думаю, он потянет тысяч на тридцать, а то и на все сорок.

Мишу сумма, похоже, не впечатлила.

– Распилили, распилили... – задумчиво повторял он. – Зачем?

– Сделали два бриллианта! – рассердилась я. – Зачем же еще?!

– Слушай, пошли, пива купим!

Я хотела было взвзвить, что погода мерзостная, но оглянувшись к окну увидела, что дождь перестал и на улице всюю сияет солнышко.

Так закончилась эта странная суббота. Мы гуляли весь вечер, выпили пива, поговорили про камни, потом про роман Хмелевской «Великий алмаз», потом зашли в «Нью-Йорк пиццу» – погреться и навестить туалет, потом купили еще пива... Только к согласию относительно нашей находки мы никак не могли прийти. Отнести ли изумруд к ювелиру и попытаться хотя бы оценить его? Или заказать Аньке кольцо – пусть дорожчее, зато какое красивое будет.

Когда стало смеркаться, мы с Мишей оказались в чужом дворе с бутылками пива в руках (уже третьими по счету) и уселись на качели. Разговор иссяк сам собой. Было ясно, что без Анькиного решения мы ничего не сможем предпринять – все-таки изумруд по праву принадлежит ей.

* * *

Утром Миша позвонил мне с известием, что он придумал, как разнообразить программу пребывания Джека в нашей стране. В следующую субботу он всех желающих зовет за грибами. Транспорт есть – один знакомый с микроавтобусом

ищет попутчиков и компанию. Еду брать с собой.

Я мысленно возликовала. Люблю ездить в лес, как хорошо, что нашелся микроавтобус, желающий компании! Правда, сборщик грибов из меня еще тот. Вершиной моих достижений в этой области был неправдоподобно прекрасный подберезовик, который рос на травке под сосной, словно позировал для обложки журнала «Мечта грибника». Наверное, именно потому, что он так бессовестно красовался на самом виду, никто его до меня не заметил. Больше я в своей жизни ни одного приличного гриба так и не нашла. Зато ходить по лесу и устраивать пикники на траве я великий мастер. Только бы погода была хорошая, тогда прогулка по осеннему лесу Джеку обязательно понравится! У нас, правда, не Иллинойс, и осень не такая, какой ее много раз сказочно описывал Саймак, но уж лес-то сибирский надо видеть в сентябре! И потом, кто знает, может, после нынешних дождей и правда грибов наросло.

Вечером Лелька охладила мой пыл.

– Джек, наверно, понятия не имеет, что такое грибы.

Ох, если бы я знала, как она была права!

* * *

Осень у всех моих знакомых вызвала острый приступ хозяйственных забот. Миша взялся помогать родителям-пенсионерам, которые убирали урожай на своем огороде. Ездить с ними в огород он не мог, но исправно таскал каждый вечер мешки и ведра. Нароботавшись в конторе, а потом отпахав вечер в качестве грузчика, он хотел только спать, и Лелька начала всерьез обижаться – ее явно обделяли вниманием. Сама Лелька затеяла стеклить балкон под предлогом того, что прошлая зима была холодной и надо бы утеплиться заранее. Соседи по этажу в моем доме начали ремонт, и у меня вся еда, даже та, что хранилась в холодильнике, стала пахнуть масляной краской. Не успели они закончить, как по нашему дому прошел смерч косметического ремонта, оставив в подъездах забрызганные двери, грязные окна и неровно побеленные потолки. Теперь моя еда отчетливо отдавала каким-то клопомором. Под таким напором трудовых успехов у всех окружающих я стала самой себе казаться жуткой лентяйкой. Может, и мне что-нибудь поделать к зиме? Батареи покрасить, например?

У Аньки приступ осенней лихорадки вылился в овощехранилище. Было во дворе ее родителей такое диво – погреба, самые настоящие. Огорода ни у Аньки, ни у ее предков отродясь не водилось, так

что она решила наконец продать овощи-рапанище кому-нибудь, кому оно нужнее. Еще месяц назад она как-то хватилась ключей, которыми давно не пользовалась, и не нашла их. Ключ от стола на работе был ей в принципе не нужен, ключ от старой квартиры тоже, но в связке был и ключ от погреба. Анькин отец великодушно предложил попросту сменить замок. Однако на замке он не остановился – сделал новую дверь полностью, тут же ее навесил, а когда у Аньки украли в автобусе текущие ключи, отец снова сменил там замок, в тот же день, что и в Анькиной квартире – менять так менять, хотя в погребе Анька ничегошеньки не держала, и он мог хоть настежь стоять. С тех пор Анька все ненужные ключи снесла к своей бабушке. Уж та точно ничего не потеряет, не на такую напали.

* ...из романов...Чейза – имеется в виду роман Дж. Х. Чейза «Роковая женщина».

** Куллиан – самый большой алмаз в мире. Куллиан, найденный в 1905 году на южноафриканском руднике, при массе в 621 грамм равнялся 3106 каратам, что в ту пору составляло эквивалент 200 тонн чистого золота. Впоследствии разделен на куски. В настоящее время сделанные из него два крупнейших бриллианта – Звезда Африки (530,2 карата) и Куллиан-2 (314,4 карата) – украшают скипетр и корону английской королевы.

Глава 13

Опасности, подстерегающие иностранца

Охота красить батареи пропала у меня уже в понедельник. Во всем квартале отключили горячую воду – начиналась подготовка к отопительному сезону. А без воды, как известно, будешь вонять растворителем и распугаешь всех на своем пути. Сперва недовольная тетка из ЖЭУ заявила мне по телефону, что воды не будет сутки, еще через сутки другая, еще более недовольная тетка сообщила, что надо подождать еще денек, и в среду я смирилась – меньше чем через две недели воду, видимо, не дадут. В четверг мне позвонил Миша и жалобно спросил:

– Слушай, чего ей надо?

Ей – это, разумеется, Лельке.

– Миш, ничего не надо. У нас воды нет.

Лелька жила в двух шагах от меня и тоже маялась от неудобств осенней предтопительной страды.

– И при чем тут вода?

Как бы ему объяснить попонятнее?

– Миш, ей помыться негде, понимаешь?

– Ну и что?

Верно. Лелька же не таскает мешки с картошкой, в чем-то он прав. Тот единственный, что привез ей кузен из деревни, давно просох и надежно водворен в подвал.

– Миш, ну когда человек не моется... ну ей кажется, что у нее волосы жутко грязные... боится, что разонравится тебе, неужели не понятно?

– Господи... – простонал Миша. – Не понимаю я ваши сложности. Пришла бы да помылась у меня, делов-то!

Ох, вот это вряд ли. Я, например, могу запросто ввалиться к Диме со своей мочалкой и поинтересоваться, подойдет ли мне его шампунь, но вот Лелька...

– Воспитание у нее не то. Помнишь, как она смутилась, когда вы нас застукали в пижамах на пляже? Она всегда такая. Ей перед тобой надо только при полном параде быть.

– И то верно, – вздохнул Миша, – она даже косметику не смывает, когда... – он запнулся.

– Когда остается у тебя ночевать, – закончила я. – Видишь, ничего страшного. В субботу помоется у Аньки и будет снова добрая и ласковая.

– Хорошо бы! Я тут уточняю список грибников. Ты одна едешь или с кем-то?

Вот ведь балда! Занятая своими заботами, я напрочь забыла, что собиралась звякнуть Диме.

– Миш, я перезвоню буквально сейчас.

Он отключился, и я поспешно набрала Димку. Услышав про грибы, мое сокровище затянуло обычную песню:

– Ну понимаешь, у меня столько работы...

Я прямо видела мысленным взором, как он замахал руками, когда я красочно нарисовала ему картину предстоящей субботней охоты за грибами.

– Что, нового директора у вас все еще нет?

– Представь, нет. И я один все тяну. – Дима вздохнул, и я представила, как он скорчил гримасу великомученика. – Такая ответственность, – добавил он лицемерно.

Я попросилась, посоветовала ему больше отдыхать, положила трубку и призадумалась – уж не он ли, в самом деле, прикончил собственного босса, чтобы занять директорское кресло? Ведь видно же, что ему начальствовать очень нравится. Да ну, чепуха, оборвала я сама себя. Не мог он сбежать на седьмой этаж так, чтоб я не заметила. И тут я вспомнила, что хотела не только позвать любимого за грибами, но и посоветоваться насчет изумруда.

– Дим, прости, что мешаю, это снова я. Ответом мне было недовольное сопение.

– Дима, мы тут, представляешь, настоящий изумруд нашли...

– ГДЕ?! – как-то очень уж громко спросил мой любимый.

– Ты чего?

– Нет, я ничего... Просто удивился. Не знал, что наш город усеян изумрудами.

– Представляешь, у Аньки, в хламе всяком. Она даже толком сказать не может, откуда камень взялся.

– А ты точно уверена, что это изумруд? Вдруг бижутерия?

– Нет, Дим, ты ж меня знаешь. Я камешки сразу вижу.

– И все-таки проверь, чешская «Яблонекс» очень хорошо стекляшки подделывает.

Я призадумалась – неужели я все-таки ошиблась, и то, что запрятано у меня в столе, всего лишь стекляшка, которой грош цена?

Дима посоветовал опытного ювелира, который сразу скажет, настоящий у меня камень или подделка. И оценит, если он настоящий. С тем я и попрощалась во второй раз. Через два часа меня, занятую мыслями о драгоценных камнях, снова потревожил телефон.

– Это ты прямо сейчас перезваниваешь?! – взорвался в трубке Миша.

– Ох, прости, я забыла!

– Она забыла!!! Ты вообще едешь или нет?!

– Еду! – вскричала я. – В количестве одного человека!

И в этот момент раздался звонок в дверь. Я ринулась в прихожую и чуть не выдернула шнур телефона из штепселя. Вот черт, давно надо беспроводную трубку заиметь!

– Миш, ко мне кто-то пришел, я перезвоню.

– Перезвонит она, – проворчал он и дал отбой.

За дверью стоял почтальон.

– Неведрова?

– Да.

– Телеграмма вам. Распишитесь.

Я расписалась и развернула серо-желтую полоску.

«Ich werde 22.09.2006 in 19:30 nach der lokalen Zeit angefliegen kommen. Der Flug 7885. Ich hoffe du wirst mich im Flughafen abholen*. Мало умею русский язык теперь».

Я перевернула телеграмму и нашла адресата. Из Москвы завтра в семь тридцать по локальному времени ко мне стремился уже порядком подзабытый баварец.

Баварец, похоже, со времен нашей разлуки потолстел еще больше. Или это мне так показалось, потому что я давно его не видела? Дима, как обычно, не захотел принимать участие в столь сомнительном мероприятии, как встреча какого-то немца, приехавшего на пару недель, поэтому я поехала в аэропорт самостоятельно. Уговорила шофера такси подождать с полчаса (не искать же в осенней тьме, где там останавливается автобус). И, как оказалось, была права. Баварец выполз с багажом, который любого водителя маршрутки привел бы в ужас. Это был гигантский клетчатый чемодан на колесиках размером с небольшой шкаф. Шофер такси при виде этой мечты мародера немного погрузстнел, но им вдвоем с баварцем удалось закрепить чемодан в багажнике на крыше машины. Когда мой немец устроился наконец в такси, мне показалось, что оно просело почти до земли. Интересно, на какой вес рассчитаны среднестатистические отечественные «Жигули»? Я назвала шоферу адрес и напуженно прислушалась – а вдруг начнем скрежетать днищем по асфальту? Интересно, зачем ему такой чемоданище? Что там? Если тряпки, то мне на год не требуется столько, а человек всего-то на две недели приехал.

Через несколько минут мои мысли приняли другое направление – я стала вспоминать, сколько лет мы с баварцем не виделись и как же его все-таки зовут. Кажется, как-то как дядюшку Гарри Поттера... Нет, не Вернон. Вернер! Вполне respectable немецкое имя. Решив проблему, как обращаться к баварцу, я задалась еще одной – мы на «вы» или на «ты»? Подождать, пока он первый меня о чем-нибудь спросит? И тут меня посетила совершенно ужасающая мысль – вот пойдет мой гость сейчас помыться с дороги... А воды-то тю-тю!.. Дальше до самого дома я составляла в уме корректную немецкую фразу, призванную объяснить баварцу, что помыться ему у меня в гостях ему не светит.

– War es die Katastrophe? – поинтересовался мой немец, когда я изложила ему, как обстоят дела.

Ну да, разумеется, катастрофа. Ежегодная. Называется «начало отопительного сезона».

– Ich verstehe es nicht. Hast du nicht bezahlt?*** Слава богу! Мы на «ты», а то ведь я эту вежливую форму напрочь не помню!!! (А может, и не знала толком?) Я заверила его, что плачу всегда аккуратно и в срок, это коммунальные службы далеко не всегда так же аккуратно. Заглянув в мою малюсенькую ванную, холодную, как

«Титаник» на дне моря, баварец констатировал:

– Oh, ja. Das ist nicht wie in Deutschland...****

Как верно подмечено! Да, брат, здесь тебе не Таити...

Поворчав немного по поводу сибирской дикости и слаборазвитых стран, Вернер изъявил желание хотя бы умыться. Вода из крана шла ледяная, я быстро вскипятила кастрюльку, привычно смешала в тазике кипяток и холодную воду, а потом позвала гостя – мол, сегодня только так, а завтра что-нибудь придумаем. Все еще пребывая в дурном настроении, Вернер отправился совершать омовение, и вскоре я услышала грохот – это падали в ванну мои шампуни. Видимо, нагнуться ему удалось, а вот разогнуться обратно... Потом немец наткнулся на стиральную машину, и оба загудели от обиды. Я мужественно не двигалась с места. Ну вот, я-то страдаю по поводу лишнего веса! Мне же в этой ванне не тесно! Или тут особая ловкость нужна? Тренировка с детства? Я стала припоминать, пользовался ли Вернер нашими ваннами в свой прошлый приезд. Выходило, что нет.

Я сорвалась с кресла только на звон стекла. Так и есть! Габаритный немец раскокал мою мыльницу! Я огорчилась. Мыльница была из набора для ванной комнаты. Купить ее отдельно почти нереально, а целый набор стоил недорого. И потом, зачем мне два набора? Проклинаю эту ужасную страну, всклоченный Вернер вырвался из ванной. Я поняла, что дело плохо, и кинулась звонить Мише. Набирая его номер, я снова ужаснулась – почти одиннадцать часов. Миша уже давно спит, наработавшись у родителей!

На мое счастье, Миша не только не спал, но и не собирался. Нынче вечером он был свободен от погрузочных работ. Я со слезами в голосе обрисовала ему ситуацию – если немец весом больше центнера попытается мыться в тазике в моей ванной, то я не только окончательно дискредитирую родину – я попросту лишусь санузла.

– Ладно, веди его ко мне, – зевнул Миша. – Только предупреждаю: есть у меня нечего.

Разумеется, он, поди, столуется то у Лельки, то у родителей. Дома ни крошки, как у любого занятого человека.

Собираясь к Мише, я в последний момент прихватила фен. Посушу немца побыстрому, вернемся ко мне и поужинаем. Завтра, между прочим, еще только пятница, мне вставать рано.

* * *

Буквально за пять минут до меня к

Мише забжала Лелька. Она наконец сломала свою гордость и решила помыться у любимого. Увидев ее с шампунем и полотенцем, я мысленно застонала. Лелька – известная любительница плескаться в ванне по часу. Кое-как уговорив ее пропустить джентльмена вперед, я отправилась вместе с подругой на кухню. Лелька притащила с собой целый пакет еще теплых пирожков, и мы с ней принялись сооружать вечерний чай. Кроме пирожков, на столе появилась нежирная ветчина, сыр, мед... Только русские дамы умеют мигом заставить весь стол в доме, где «совершенно есть нечего».

Сидя с полотенцем на голове и опасно надкусывая пирожок с капустой, Вернер задумчиво заявил:

– So ein zahes Leben haben haben sie!

– Что он говорит? – нервно спросила Лелька.

– Sie versteht deutsch nicht. Und sie wird nervoes*****, – пояснила я своему немцу.

– Что он сказал?

– Иди мойся. Он сказал, что мы очень живучие люди.

– Почему живучие?

– ИДИ МОЙСЯ!!! – гаркнули мы с Мишей хором. Лелька фыркнула и скрылась.

Я объяснила Вернеру, что Миша немецкого языка не знает, а нам надо поговорить. Немец нас извинил и занялся пирожками. Похоже, это блюдо было для него совершенно новым. Миша как-то неприязненно поглядывал на гостя, и я все ломала голову, почему? То ли из-за того, что чистоплотный немец испортил им с Лелькой вечер, то ли просто не одобрял избыточный вес в таких количествах. О том, что Миша может попросту ревновать к иностранному гостю, я старалась не думать.

После чая мы перешли в гостиную. Лелька вымылась и, тоже замотанная в полотенце, наверх стывала упущенное – пришла вслед за нами с двумя тарелками и большим бокалом чая. У меня как-то язык не повернулся напомнить ей, что вредно столько трескать на ночь. Возможно, это была первая Лелькина трапеза с самого утра. Усиленно жуя, она стала вытаскивать из стопочки у телевизора один журнал и уронила на пол какую-то карту, сложенную в восемь раз. Я подобрала ее и с удивлением обнаружила, что это карта нашего города, но только почти столетней давности.

– Ух ты! – воскликнула Лелька и почесала вилкой спину. – Это тебе зачем?

– Это я сестре своей раздобыл. Она у меня на архитектора учится. Будет смотреть, какие старые дома сохранились с тридцатых годов.

У меня глаза полезли на лоб.

– А что, у нас есть дома с тридцатых годов?!

– Да. И больше, чем ты думаешь.

* Я прилетаю 22.09.2006 в 19:30 по местному времени. Рейс 7885. Надеюсь, ты встретишь меня в аэропорту.

*** Произошла катастрофа?

**** Не понимаю. Ты не заплатила?

***** О, да. Это не так, как в Германии.

***** Вы очень жизнеспособные люди

***** Она не понимает немецкого. Она волнуется.

Глава 14 По грибы

– Да, подъезжай к площади и дальше за кольцо, – Миша разговаривал с кем-то по телефону и оживленно жестикулировал, словно чертил план города в воздухе руками. – Там будет шлагбаум и «кирпич», но ты не обращай внимания, заезжай прямо под «кирпич». И дуй мимо кладбища. – Он замолк, слушая собеседника. – Нет... Нет. Да, гаишники знают про «кирпич», там никого не останавливают... Да. Прямо справа кладбище огибай. Нет, тогда лучше от психушки, а не с площади. Там ко мне ближе...

Я отключилась, и когда Миша закончил объяснять дорогу к своему дому и положил трубку, ласково спросила:

– А тюрьмы у вас тут не имеется?

– Тюрьмы? – завис Миша. – Зачем?

– Ну, психушка и кладбище, для колорита бы еще тюрьму...

– Нет, тюрьмы нет, – он почему-то вздохнул. – Тюрьма от нас далеко.

А жаль. Что это с ним вообще? Не выспался?

Мне было очень неловко, что я пришла все-таки в количестве не одного, а двух человек или даже двух с половиной – когда мой немец займет место в микроавтобусе, рядом с ним мало кто сумеет уместиться. Но оказалось, что я страдаю совершенно зря – Мишины сослуживцы, муж и жена, в последний момент передумали ехать в лес, освободив тем самым место для Вернера. Если у «Газели» не спустят колеса от веса немецкого гостя, то все будет в порядке. Аня явилась с Джеком под лапку. Похоже, ей не удалось убедить кавалера одеться в лес похуже – на Джеке была светлая бежевая курточка, чистые летние джинсы и новенькие кроссовки – красные с белым. Сдается мне, этот человек думает, что мы идем в парк. Вернер, напротив, принял мое предложение надеть чего похуже буквально и сейчас напоминал Стра-

шила Премудрого. Я оставила попытки уговорить его снять хоть бесформенный головной убор – немец почему-то считал, что шляпа такой конструкции защитит его от нападения клещей. Я привела все возможные доводы – и то, что шляпа от клещей не спасает, тогда уж лучше сразу скафандр надеть, и то, что в ней будет жарко, и даже то, что клещи уже потеряли активность. Напрасно. Хорошо хоть, мы не на электричке едем, а то весь вокзал сбежался бы на нас смотреть. Но в период прошлого пребывания в наших краях Вернера основательно запугали клещами. «Хорошо хоть Джек про них не знает!» – мысленно перекрестилась я.

Оказывается, относительно клещей Джека просветила Аня. Когда они подошли ближе, я в ужасе шарахнулась назад.

– Аня, что это?!

На запахи я реагирую очень болезненно. Стоять рядом с Джеком, по-моему, было просто невозможно. Я несколько раз глубоко вздохнула. Последний раз я такое испытывала, когда по неосторожности прошла рядом с КраЗом, хозяин которого не потрудился выключить зажигание.

– Это он от клещей намазался! – жизнерадостно сообщила Аня. – Говорит, любых насекомых отпугивает.

– А людей убивает, – прохрипела я. – Пускай немедленно смоеет, или я с ним никуда не поеду!

Аня с Мишей принялись уговаривать Джека, а я стала объяснять Вернеру, в чем дело. Результат получился весьма неожиданный – немец тоже изъявил желание чем-нибудь помазаться. Я села на стул и уронила руки. И это называется вырваться из города, чтобы подышать кислородом? От этих двоих благоухание будет такое, что во всем лесу кислорода не останется, и деревья засохнут прямо на корню. Клещи, ясное дело, тоже сдохнут.

Через полчаса Джека отмыли, а Вернеру Миша выдал какую-то мазь. Не очень, правда, вонючую, но я все-таки уговорила всех натираться ею только тогда, когда мы будем уже в лесу.

– Und noch im Wald sind sehr viel Muecken*.

Я вздохнула. Нет уже комаров! На самом деле не столько, чтобы на них зацеливаться.

– What does he say?***

Я спячу сегодня. Джек ведь не знает немецкого.

Когда мы добрались до места, дела пошли хуже некуда. Джек тут же заныл – куда мы его тащим по траве и буеракам, ничего себе прогулка, здесь же инфекции – за всю жизнь не вылечиться! Наши увещевания про отличный воздух и хоро-

шую экологии он повзросту не услышал. Вернер, наоборот, вовсе искал грибы и, как ни странно, первый и нашел. Я стала счищать с груздя хвою и землю, а Аня развернула Джека, чтобы показать ему, что же мы, собственно, ищем. Вернер между тем уже увлеченно обследовал ближайший пригорок. Завидев у меня в руках прекрасный крепкий гриб, Джек завизжал, как истеричная девица. А я-то хотела показать груздь ему поближе!!! Через пять минут американец накинулся на Мишу – что за безобразие?! Зачем его сюда затащили? Русские, что, едят эту гадость? Мы хором принялись ему объяснять, что подобную гадость он, наверняка, тоже ел. Только помытую, порезанную на кусочки, приготовленную и законсервированную. Джек отнекивался. Через несколько минут к нам подошел довольный Вернер и сказал с сильным акцентом:

– Смотрите! – В руках у него была целая семейка небольших аккуратных подберезовиков. Я расцвела.

К вечеру голова у меня гудела. За исключением мухомора, на который я случайно уселась, мне не удалось найти ни единого гриба. И, конечно же, я начала путать немецкий с английским. Анька тоже приуныла. Ее кавалер не видел красот осеннего леса, не замечал прекрасного воздуха и отказался обедать под сосной – ему негде было помыть руки. С ужасом смотрел он на то, как мы спокойно поглощаем бутерброды и помидоры, не заботясь о чистоте своих рук. Джек был твердо уверен, что все мы завтра же угодим в больницу в полном составе и он до Нового года будет носить нам передачи.

* * *

Разумеется, ничего с нами со всеми не случилось, и на следующий день мы с Лелькой нагрянули к Аньке, чтобы заняться ее внешним видом.

– Ну, и что ты встала, как накрахмаленная?! – затрубила Лелька на Аньку, которая истуканом высилась у большого зеркала. – Хоть повернись!

И в этот момент в дверь позвонил Джек. Мы с Лелькой кинулись открывать и столкнулись в дверях.

– Oh, Beautiful...*** – Проронил Джек, зайдя в комнату и обзрев Аньку. Надо было видеть, какое победное сделалось у Лельки лицо!

Затем я засунула подальше книгу по театральному гриму.

– Понимаешь, здесь написано как краситься, чтоб морда издалеко красивой казалась. Ты же в театре вплотную к актерам не сидишь?

Аня жалобно проронила:

– А для балерин мне там понравилось!

Я едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Если Джек увидит этот грим вблизи, то будет бежать без остановки до самой Америки.

– Аня, если ты такое на себя будешь красить постоянно, то потом просто не сможешь обходиться без тонны грима!

– Почему?

– А ты когда-нибудь видела, как они этот грим снимают?

– Нет.

– Они прикладывают салфетку к лицу и промокают. Штукатурка слоями остается на салфетке. Потом еще слой таким же манером. А потом час стирают все, что осталось кремом. У тебя терпения не хватит.

– А просто умыться нельзя?

– Ну, если ты встанешь под поливальную машину, то, пожалуй, можно... – неуверенно сказала Лелька.

Джек застал нас в самом финале – мы только что закончили красить Анькины ногти. И вот она, вся сияющая, стоит пред потенциальным женихом. А тот, глупо улыбаясь, пялится на нее не в силах произнести ни слова.

Лелька молча потянула меня за рукав. Похоже, ни Анька, ни Джек не заметили, как мы смылись.

Однако задержалась я с подругами. Осенью вечера начинаются все раньше и раньше. В полной темноте плелась я к своему жилищу, когда рядом развернулась светлая машина. Я инстинктивно отпрыгнула в сторону.

– Ты чего это? – весело спросил Дима, вылезая из своего «Фольксвагена». – Меня уже пугаешься?

– Нет, я просто не поняла, кто подыехал.

Следом за Димой из «Фольксвагена» появилась длинноногая блондинка. Ее платье было цвета самого дорогого горького шоколада, а глаза – как вчерашний чай.

– Это Валерия, наша сотрудница, – представил Дима свою пассажирку.

Ну да, конечно. Чем возить в дорогой машине меня-растрепу... Такая бизнес-леди гораздо больше подходит к салону из натуральной кожи. Если Дима с ней все время работает, то я совершенно точно понимаю, почему он не захотел ехать со мной в лес.

Я посмотрела на часы. Десять. Не самое лучшее время для светского приема. Завтра понедельник, а у меня волосы грязные.

– Мы вообще-то к твоей Ане ехали, я остановился, потому что увидел тебя. Ты в курсе, она дома?

– Дома, а в чем дело?

Я так расстроилась, глядя на красави-

цу блондинку, что почти перестала сообщать.

– Она же вроде погреб продает?

– Погреб? – растерялась я. – А, да, продает.

– Валерия хочет купить.

Я чуть не села. Эта фря хочет погреб? Интересно, зачем? Складировать трупы поклонников, умерших от восторга?

– У Леры есть бабушка – старая, но крепкая дама – желает на пенсии полезными делами заняться. Купила огород, но у них в доме никакого подвала нет. – Дима словно услышал мои мысли. – Вот Лера и хочет бабуле купить овощехранилище.

– Понятно, – кивнула я.

Что-то плохо я себе представляю старушку с мешком на плечах. Неужели будет сама бегать к Анькиному погребу? Тут бы молодых кого в помощь. Мысли понеслись дальше, и я представила красотку-Леру всю как есть – с маникюром, на каблуках и в шикарном коричневом платье – но с мешком на плечах. Что-то не верится, что она способна надеть старые джинсы и кинуться престарелой особе на помощь.

– Так дома твоя подруга?

– Я только что от нее, – сказала я.

– Поехали! – Дима резво кинулся к машине.

– Дим!

– Что?! – рыкнул он.

– Не надо.

– Это почему еще?

Я вспомнила, как оставила Аньку и Джека, нет, нельзя, чтобы сейчас что-то случилось. Если перегорят пробки и во всем доме погаснет свет или соседи начнут ломать мебель, Анька с Джеком вряд ли это заметят, но вот если притащится Дима с этой красавицей – все, пиши пропало! Весь наш с Лелькой труд пойдет коту под хвост.

Мрачная, словно грозовая туча, поднялась я на свой этаж. Стоило мне отпереть дверь, как зазвонил телефон. С трудом подавив желание зарычать, я сняла трубку и сказала:

– Ну кто еще там?

– Настя! – прочитала Анька. – Не спишь?

Успнешь тут, как же...

– Еще даже не собиралась.

– Слушай, что расскажу!!! – Я ждала безо всякого интереса. – Он сделал мне ПРЕДЛОЖЕНИЕ!!!

* И еще в лесу очень много комаров.

** Что он сказал?

*** Ох, прекрасно!

В оперу Анька с Джеком попали только накануне Хеллоуина. До тех пор они уже успели оповестить всех о своей помолвке, а я была приятно удивлена Диминым вниманием. Он снова, как в первые дни нашего знакомства, бегал за покупками, отвозил меня на своей шикарной машине домой после работы и только в театр идти со мной отказался, но на то у него действительно была веская причина – все-таки пост и. о. директора обязывает человека ко многому. Погреб Анька охотно согласилась продать, но неожиданно выяснилось, что так быстро она этого сделать не может – нет документов, подтверждающих ее права собственности. Бедная Анята и без того была близка к нервному срыву – она оформляла бумаги на выезд в США и наотрез отказалась заниматься еще и погребом, по крайней мере, до тех пор, пока не закончится текущая бюрократическая волокита. Валерия согласилась подождать и исчезла, так что я вскоре забыла и о ней, и об Анькином погребе.

Решив не забивать голову Джека сложностями, мы с Лелькой купили билеты на «Травиату». И – о чудо! – оказалось, что наш малообразованный американец знает к ней увертюру! Наверное, поэтому Джек остался доволен спектаклем. Или потому, что будет чем дома похвалиться – как-никак, он был в опере!

Домой мы ехали вчетвером, Лельке пришлось срочно нестись к родителям после первого действия. Что там у них произошло, никто толком не понял, а я в который раз мысленно поздравила себя – я перед походом в театр предусмотрительно оповещаю всех родных, что отключу телефон, и до полуночи остаюсь совершенно недосыгаема. В вечернем автобусе народу было очень немного, все тихие и вежливые.

– Слушай, Ань, все забывала тебя спросить – как ты ухитрилась поехать на озеро тогда, летом? Ты нам с Лелькой даже не говорила, что собираешься туда.

– А я и не собиралась, – проворчала Анька. – Это Димка твой.

Я почувствовала себя так, словно мне двинули под ребра.

– Что... Димка? – прохрипела я.

– Ну, это он себе купил путевку. Сказал, что хотел сюрприз тебе устроить. Ты в доме отдыха – и он рядом окажется. Да не вышло у него поехать, дела какие-то. Он и предложил мне свою путевку.

– Продал? Или так отдал?

– За четверть цены, совсем по дешевке. – улыбнулась Анятка. – Я и поехала.

Там встретили знакомых, мне предложили на тот берег прогуляться. Вот и наткнулась на вас с Лелькой.

Я покивала. Анька сейчас так счастлива, не надо ей высказывать свои подозрения. Не в Диминых правилах раздаривать путевки. Тем более, если он так уж хотел поехать сам, то почему взял путевку, где предполагался десятидневный поход на лошадях? Нет, он явно приобрел путевку именно для Аньки, только вот зачем ему это было нужно?.. Мои мысли перескочили на Анькино овощехранилище. Что-то я перестаю верить в эту мифическую бабушку с ее огородом! Я стала припоминать Анькины несчастья – почти каждый раз Дима лично не мог причинить моей подруге вред. Например, когда обвалился лифт, он сам в этом лифте и ехал! Память услужливо подсунула мне примеры из Агаты Кристи и Иоанны Хмелевской – безупречное алиби может быть у организатора преступлений. Ох, что-то я много напридумывала! Я же не мисс Марпл, в конце концов. Может, все это – просто цепь совпадений? Кажется, хватит скромничать – надо, наконец, хоть что-то прояснить в этой истории. Все мои беды от того, что я слишком долго собираюсь. Давно надо было сходить к ювелиру и узнать, изумруд ли я храню у себя дома в спичечном коробке или просто кусочек зеленого стекла.

* * *

– Стекляшка! – уверенно брякнул ювелир, швыряя на прилавок зеленую искорку. Я хлопнула ладонью, схватила катящийся камень и проворно сунула его в карман.

– Зачем вам она? – насмешливо спросил парень, разглядывая меня через лупу на глазу.

– Хочу заказать себе браслет из таких. Образец нужен.

Ох, актриса из меня всегда была никудышная! Ничего, спокойно, спокойно – я так сдавила в кармане изумруд, что проткнула палец. Пока посоветованный Димой ювелир не успел ничего предпринять, я ткнулась задом в дверь – и была такова.

План я составила простой и надежный: сперва зайду к специалисту, про которого сказал мне Дима. Если он скажет, что я притащила ему бижутерию, отправлюсь еще к одному человеку. Да, не все знакомства растеряла я еще в этом городе. Остался один друг, который, как я знала, занимался сейчас поделками из янтаря. Но когда-то он надеялся стать настоящим ювелиром. И если быть честной до конца, он рисовал такие оправы для камней, что мои рядом с ними выглядели, как пропись первоклассника.

– Черт возьми, откуда у тебя это? – Павел отхлебнул из принесенной мною бутылки пива и стал вертеть камень в руках.

– Что, хорош?

– ГДЕ ТЫ ЕГО ВЗЯЛА?!

– Нашла.

Мой янтарщик расхохотался:

– Покажи мне место, где валяются такие штуки! Я тоже хочу там поискать!

– Паш, честное слово, его нашли. Как, по-твоему, не подделка?

Он молча полез в стол и достал свои инструменты. Минут пятнадцать я скучала, глядя в окно, пока мой личный несостоявшийся ювелир так и сяк разглядывал под яркой лампой зеленую каплю.

– Это изумруд, Настя. Самый настоящий. Мне в жизни не доводилось с такими работать. Может, все-таки объяснишь по-подробнее, откуда он у тебя?

Я с облегчением вздохнула. Камень настоящий. С трудом подбирая слова, я объяснила Паше, что с камнем не все чисто, и у меня есть кое-какие подозрения насчет того, откуда он взялся.

– Он, видимо, выпал из какого-то браслета или колье, – мрачно заявил Павел.

– Почему ты так думаешь?

– Огранка такая. Так гранили в конце восемнадцатого века.

– Браслет, говоришь? – я немедленно потеряла связь с реальностью, пытаюсь представить себе браслет из изумрудов. – Скольво вообще камней надо на браслет?

Паша все с тем же скорбным выражением лица набросал несколько эскизов на отгрызке посеревшего ватмана.

– Вот для этой формы надо двадцать четыре камня. А для такой – всего шестнадцать. Но учти, это традиционные, а твой браслет мог быть вообще эксклюзивной вещью, авторской работой, а не массовой.

Массовка из изумрудов! Мне стало нехорошо.

– Слушай, мы уже час с тобой беседуем таким тоном, как будто кто-то умер, а камешек – ближайший родственник покойного. Может, ты скажешь наконец сколько он все-таки стоит?

– Тысяч восемьдесят.

Я вытаращила на него глаза.

– Так много?

– Я только примерно сказал. Найдешь пару братьев этого камня – и можешь машину купить.

Машину... Что-то щелкнуло у меня в голове, и я чуть было не спросила, сколько может стоить новый «Фольксваген». А ведь Димка хвалился, что машина куплена не в кредит!!! Изумрудные россыпи в моем воображении немедленно сменились кошмарной картиной – мой любимый сидит у себя дома и в одиночестве расковыривает

эплайновый браслет авторской работы, чтобы натрясти несколько изумрудинов и купить себе тачку! О господи, а оправу он, поди, продаст по цене лома! Мне б хоть одним глазком на нее глянуть!

Стоп, стоп. Пока что у меня одни лишь индиции, как говорил Калле Блумквист*. Надо как следует все проверить, возможно, я обвиняю человека зря!

Я сгребла камешек и засомневалась. Быть может, опасно держать его и дальше у себя дома?

– Паш, окажи мне одну услугу.

– Да?

– Сейф у тебя есть?

– Хочешь оставить?

– Боюсь нести домой, – призналась я.

– Восемьдесят тысяч – не такая уж крупная сумма, но давай. Что ты все-таки хочешь с ним сделать?

Я пожалала плечами. Ясно же – кольцо с таким камнем Анька никогда не сможет надеть.

– Пока что это вещдок, – обронила я. – Нельзя, чтобы он исчез. Что ты делаешь?

У Павла в руках оказались какие-то бланки.

– Расписку хочу тебе дать.

– Спятил?!

– Настенька, – жалобно проронил он, – я ведь тоже не банк и не оружейная палата. Вдруг случится что? Как ты докажешь, что изумруд твой?

– Ладно, пиши! – проворчала я.

Снесу расписку Мише. Только вот как рассказать ему о своих подозрениях? Он же меня высмеет!

* * *

Со временем я, как обычно, промахнулась. Когда добралась до Миши, на улице уже была непроглядная темень. Дверь мне открыла Лелька, и наши взгляды скрестились, точно лезвия мушкетерских шпаг. Ох, похоже, Мишку ждет нешуточный скандал! Я срочно решила отложить рассказ о своих подозрениях на потом, сунула Мише расписку, пробормотала, что изумруд был настоящий, и тут только заметила Виталика. Он уже собирался уходить и, так как я стояла на пороге не разуваясь, вежливо предложил меня проводить.

В моей квартире был Дима. И если Лелька всего лишь пронзила меня взглядом насквозь, то любимый просто-напросто испепелил дотла.

– Я дожидаю тебя ровно четыре часа, – заявил Дмитрий, даже не спросив, кто такой Виталик.

Я растерялась. Я что-то забыла? Мы собирались куда-то пойти?

– Дим, это Виталий, мы учились с ним в одном классе.

– Я сейчас ухожу, – Виталик явно не понимал, насколько не вовремя он решил меня проводить.

– Можете не беспокоиться, – байроновским голосом провещал Дима. – Сейчас уйду я, и вы продолжите свой тет-а-тет!

Я машинально глянула на часы. Всего-то десять! Что он делает из мухи слона, ведь если ко мне домой заглянул бывший одноклассник, это вовсе не значит, что у него на меня виды.

Дима грохнул дверью.

– Это и есть твой банкир? – вежливо поинтересовался Виталик.

– Да не банкир он... И не бери в голову, это у него выверт очередной. Даже не знаю, почему. Машина внизу стоит перед подъездом. Могла бы догадаться, что любимый тут.

– Это его «ФОЛЬКСВАГЕН»? – удивился мой одноклассник.

– Да, а что?

– Он же еще летом ездил на чудосочной «Тойоте»!

– Летом? А, ну да. А потом «Фольксваген» купил, – и тут я с подозрением посмотрела на Виталию. – А ты же его не знаешь, где его видел на «Тойоте»?

– Да на озере же! Помнишь, я рассказывал тебе про мужика, которого убили? С кикиморой.

– Кикимору не убивали, – поправила я.

– Кикимору нет, а мужика, который с ней зажигал, – убили.

– А Дима что там делал? За кикиморой ходил?

– Нет, он без кикиморы. Он немного раньше был.

– Раньше – когда? – я не сводила с Виталика глаз.

– Говорю же тебе – именно в тот день. Я уже на пляж собрался и видел, как они из машины вылезли. Дима твой, этот... покойник... ну, тогда он еще не был покойник...

– Ладно, оставь покойника в покое! Тфу!

Что за идиотский разговор!

Виталик посмеялся и уточнил:

– Короче, я видел, как они вылезали из машины. Этот, который умер, твой фитиль и агент Смит. Поздоровались за ручку, то есть попрощались, потом твой уехал, а те двое пошли на пляж.

– Кикимору выгуливать... – задумчиво сказала я.

– Отвяжись от кикиморы! У Смита была такая большая полосатая сумка, он оттуда все доставал.

– И сок?! – быстро спросила я.

– И сок, – подтвердил Виталик.

– И сумку тоже привезли в Диминой «Тойоте»?

– Нет, она своим ходом за машиной скакала!

– Пстой-ка! – я схватилась за телефон. Лелька точно сейчас прибежит меня убивать, но раз она у Мишки, то оба, скорее всего, еще не спят. – Миш, я знаю, знаю, как я не вовремя! Помнишь мужика, который умер на озере, где мы отдыхали летом? Есть у тебя его точные данные? И от чего он умер?

– Настя! – такой стон мог бы издать, наверное, смертельно раненый Миновтар. – Тебе это нужно прямо сейчас?!!

* Калле Блумквист – персонаж детских детективов Астрид Линдгрэн.

Глава 16

Сокровища «Трех мушкетеров»

Когда-то давно, когда меня только-только приняли в пионеры, я вытащила у родителей с полки книгу «Три мушкетера». Кино тогда еще по телевизору не показывали, но каждый, кому довелось прочитать в детстве знаменитый роман Дюма, поймет, какое сильное впечатление он на меня произвел. Потом, примерно года через три, я как-то пришла в гости к Мише. Как вы помните, мы учились с ним в одном классе. Увидев на полке старый замызганный томик с полустертыми буквами «Три мушкетера», я бездумно потянула книжку на себя. Она оказалась не просто старой, а прямо-таки ветхой. Высохшие побуревшие листы страшно было переворачивать, текст с ятями и твердыми знаками едва читался. Я даже удивилась сперва – зачем это Мишкин папа держит дома такую древность? Но увидев первую же картинку, я поняла, зачем. Графика была изумительная. Таких красивых мушкетеров я не видела нигде и никогда. С тех пор мое сердце покорили книжные иллюстраторы. Я нашла «Винни-Пуха» и «Ветер в ивах» с Шеппардом*, «Алису» Тенниела** – и так далее, и тому подобное. Даже Библию, оформленную Гюставом Доре* * *, мне удалось выписать через Интернет. Одно-го не было в моей коллекции – тех самых великолепных мушкетеров в исполнении Мориса Лелуара****. Как-то раз я наткнулась на переиздание книги в магазине, но от ее цены у меня потемнело в глазах.

Можете себе представить, как я удивилась, когда в субботу вечером нашла у Димы на столе довоенный оригинал? Книга была в почти идеальном состоянии – никаких порывевших страниц, ни одна картинка не попорчена, текст тоже... Словом, если бы не темное пятно неизвестного происхождения на заднем форзаце, то хоть сейчас в музей. Мне даже думать

не хотелось, сколько такой раритет может стоить. Интересно, с чего бы Дима вдруг увлекся букинистикой? «Три мушкетера» он, разумеется, читал, но книг у него в доме почти не водилось – мой дорогой считал, что ни к чему загромождать ими квартиру, и всегда подсмеивался надо мной, если я, сияя, как новый чайник, хваталась свежеприобретенным романом Мери Рено* * * или Пелевина. Впрочем, отсмеявшись, он брал их у меня почитать.

Димка возился на кухне – накрывал ужин на двоих. Он считал, что, пригласив даму к себе, сам должен позаботиться о еде и развлечениях. Ценное, на мой взгляд, мужское качество, столь редкое в наше время. Впрочем, готовить Дима, конечно, ничего не стал, а просто привез готовые блюда из ресторана. Ну и ладно. Полудиректорская зарплата позволяет – а я в кои-то веки не должна торчать около плиты, чтоб вкусно поесть. Я бездумно листала книгу и завистливо вздыхала – почему именно мне так не везет на месье д'Артаньяна и Ко?

Опытные коллекционеры никогда не ставят свои печати на форзаце и титульных листах книг – их слишком легко поменять. На двадцать третьей странице мне попался-таки экслибрис, и когда я прочитала его, то поняла, что пришла к Димке сегодня не зря. Пышнотелый единорог гласил, что книга относится к коллекции С. Ю. ...ского. Именно этот С. Ю. выгуливал по пляжу странного зверя, а потом умер от стакана сока. Его подвозил Дима на своей выдавшей виды «Тойоте».

Вчера я торжественно помахала у Миши перед носом заветной тетрадкой, где хранились советы и рецепты на все случаи жизни. Там у меня, в частности, было записано, какие лекарства нельзя запивать грейпфрутовым соком. Через несколько часов все выяснилось.

– Надо же, как по писаному... – вздохнул Миша, очередной раз поговорив с кем-то по телефону.

Покойник, оказывается, опасался, что у него не в порядке сердце, и по совету врача принимал некое лекарство. Если убийцей был Дима, то, возможно, я сама и подала ему идею столь нетипичного отравления. Как-то во время сильной ангины я выпила эритромицин. А потом завявился мой ненаглядный с фруктами. С удовольствием слопав грейпфрут, я занервничала – неожиданно вспомнила, как плохо он сочетается с разными лекарствами. Расстроенная, я полезла в тетрадку и убедилась – антибиотики с грейпфрутом не сочетаются. Той ночью я очень плохо спала, но ничего страшного со мной не случилось. Наверное, потому, что между

таблеткой и грейпфрутом прошло часа четыре. Вероятно, у бедного владельца экзотической зверушки все обстояло несколько иначе. Вполне возможно, именно Дима посоветовал недалекому «агенту Смиуту» припасти для хозяина такой полезный грейпфрутовый сок, а, подъезжая к пляжу, напомнил: надо принять таблетку от сердца. Владелец кикиморы и дорогих книг, скорее всего, послушался, а потом выпил сок и стал покойником.

– Он умер от почечной недостаточности.

Все-таки приятно, когда под рукой есть такой юрист, которого знают не только нотариусы и аудиторы, но и простые следователи и даже милицейский врач.

– Пива надо меньше пить, – мрачно пошутила я.

– Мы с тобой теоретически восстановили картину, – Миша постучал карандашом по блокноту. Я кивнула.

– Но доказательств нет. И нет самого главного.

– Чего?

– Мотива. С чего бы Диме убивать этого человека? Он не конкурент, личных счетов никаких, долгов тоже... С одними твоими подозрениями я в милицию не пойду. Дело давно закрыто. Если его и откроют, то спишут все на несчастный случай.

И вот сейчас я держала в руках улику. Зачем Димке книжка покойного? Ведь она была ему нужна до такой степени, что мой любимый не побоялся даже отравить ее владельца. Я, конечно, тоже на многое бы пошла, чтобы заполучить Мориса Лелуэра, но убивать кого-то – это уж слишком. Вот если бы не это пятно сзади...

Я перевернула последнюю страницу. Под пятном явственно просматривалась какая-то запись, сделанная от руки. Писали, видимо, очень давно. Чернила поблекли, и местами из-за проклятого пятна ничего нельзя было разобрать. Я села поближе к торшеру и принялась вглядываться в мелкие, но очень аккуратные буковки. Интересно, зачем автор записки использовал значки « » и « »? Я стала читать внимательнее. И через пять минут поняла, от чего у гончих на затылке шерсть встает дыбом, когда они идут за зверем. Я взяла след! Сомнений не было – владелицей книги про Атоса, Портоса и Арамиса была та самая балерина, которая после революции приехала работать в наш город! Она действительно привезла с собой кучу драгоценностей баснословной стоимости. Как следовало из записки, ничьей фавориткой она не являлась. Кое-что почтенная дама купила сама – надо полагать, гонорары у нее были немалые, а некоторые вещи презентовали ей высокопоставленные поклонники. Охотно верю.

Доволяла, бывшая балерина не очень-то доверяла своим соседям по квартире, а потому схоронила драгоценности в своем же доме. На полях любимой книжки она составила опись предметов (похоже, не надеясь на свою память), а также четкие указания – сокровища были замурованы в каменной кладке. Вот тут-то проклятое пятно и портило все дело! Невозможно было толком прочесть, где именно находилась пресловутая кладка. В конце балерина дописала свой адрес. Пятно съело его почти полностью. Но что было особенно примечательно – для обозначения цифр удивительная дама воспользовалась буквами. Сначала я не поняла, к чему все эти отдельные «д» и «s», но вскоре догадалась – так в старинных книгах обозначали цифры, когда в нашей стране еще не были в ходу ни арабские, ни латинские. Я сразу поняла, что запись означает «шестнадцатый камень слева и четвертый снизу». Ну а « » – это, похоже, номер дома или квартиры – «69». И тут меня озарило: если я так легко прочитала все это, то Димка тоже догадался! Он ведь брал мои учебники по исторической грамматике и знал все не хуже меня!

– Настя, стол накрыт! – Дима чем-то позвенел на кухне, и я поспешно захлопнула книгу.

Надо ли говорить, что знаменитые мушкетеры начисто отбили у меня всякий аппетит?

– Дим, а откуда у тебя такие «Три мушкетера»?

– Что? – он почти уронил вилку.

– Книжка лежит в кабинете.

– А-а, это, – он небрежно взмахнул рукой. – Полистай взял у одного приятеля. Картинки красивые, верно?

Ох, похоже, свет-Дмитрий считает меня круглой душой! Картинки... Вот что значит – человек ничегошеньки не смыслит в книгах!

– А мне можно взять? – Я понимала, что вступаю на скользкий путь, но не могла удержаться, чтобы не проверить.

– Зачем?

– Я бы сосканировала там кое-что.

(Я бы сосканировала всю книгу, если честно, даже если бы мне пришлось просидеть над ней целые сутки!)

– Знаешь, книга не моя. Давай, я сперва спрошу у хозяина...

Я покивала, стараясь, чтобы моя физиономия не выглядела слишком довольной. Все ясно. Никому Дима эту книгу сейчас не даст. И вовсе не из-за картинок. Вот вам и мотив, о котором вчера толковал Миша.

Димка как-то подозрительно легко отпустил меня домой. По дороге я передумала и помчалась к Мише.

– Слушай, где у тебя карта?! – не здороваясь выпалила я.

Миша стоял с атласом города в руках и от неожиданности выпустил его.

– Какая?

– Старая. Которую ты для сестры раздобывал! Она еще у тебя?

Раз уж Миша смог достать такую карту, то и Дима может! Миша вытащил карту, предназначенную для студентки-архитектора.

– А зачем она тебе?

– Есть кое-какие подозрения.

Я повернулась, чтобы уйти.

– Настя! – на секунду мне показалось, что он сейчас меня не выпустит. Еще через секунду я подумала, что это, наверное, даже неплохо. И тут в дверь, которую никто из нас не запер, вошла Лелька.

* * *

Дома я постаралась выкинуть из головы все, что сказала и что собиралась сказать мне моя лучшая подруга. Я расстелила добытую с боем карту на полу и принялась за работу. Что бы делала я, будь в моем распоряжении только половина указаний, где спрятаны сокровища? Я расчертила весь город на сектора. Центром круга, конечно же, стало здание театра – наверняка актриса жила не слишком далеко от места работы. Я трудилась, как выпускник архитектурной академии, выделяя все перспективные в смысле старины дома. К ночи у меня все руки были измазаны графитной пылью и даже на вспотевшем лице появились черные разводы. Выполнив работу, которую до меня уже проделал мой любимый, я отметила крестами все дома, о которых рассказал Миша, – где нашли замурованный в стене сейф, где два мужика разбирали старую печь, где кто-то разносил стенку в подвале – в итоге только дом с сейфом не вписался в общую картину, да и не удивительно – балерина ведь не сейфом пользовалась. Интересно, сама она делала каменную кладку или наняла кого? Теперь я этого уже никогда не узнаю.

Так или иначе, о кладе знали несколько человек. Я вспомнила сома с бриллиантовой брошкой, корейца с золотыми червонцами и наконец тот самый малюсенький изумрудик, который выпал из какого-то революционного браслета. Вполне естественно предположить, что клад нашли и стали реализовывать по частям. Если мои подозрения верны, то Дима убрал всех конкурентов, чтобы воспользоваться добычей самому. Каким образом ему удалось убить своего директора – это я пока не поняла, но подозревала, что тот тоже был связан с поисками клада. В конце концов – озарила меня счастливая мысль

– Дима мог лично и не стараться. Просто нанять кого-то. И еще этот кто-то пытался убить нашу Аньку. Но она-то никак с кладом не связана, единственный клад, который я у нее видела, стоял на кухне в баночке и был аккуратно заметен в мусор! Что же Димка от нее хотел? Забрать изумрудик? Из-за одного изумруда стоимостью всего восемьдесят тысяч так рисковать?

Стоп. Первые покушения с изумрудом не состыкуются. Они произошли немного раньше. Я, конечно, понимаю, что Анька может быть людям глубоко несимпатична, но не убивать же ее за это! Я почувствовала, что голова у меня гудит, как растревоженный улей. Или я пойму это сейчас, или лопну! Что-то было еще раньше... Да, Дима спровадил Аньку на озеро Ая. На целых две недели. Вот оно! Ему не надо было убивать мою подругу, он просто хотел от нее ненадолго избавиться. Вот почему у Аньки выкрали ключи, когда мы собирались с ней и Лелькой к Лелькиному кузену в деревню. Дима знал, что Аньки не будет дома. Что, выходит, клад у Аньки дома?..

Да ну, ерунда! У Аньки однокомнатная панельная мышеловка, удачно замаскированная под квартиру. Там ничего не спрячешь. И все-таки Дима выбрал именно ее... Внезапно меня осенило, и я бросилась к телефону:

– Анюта, ты еще не продала свой погреб?

На том конца царило гробовое молчание.

– Настя, это ты? – спросила наконец моя подруга.

Тут только у меня проснулась совесть. Четыре часа ночи. Или утра – кому как больше нравится.

– Знаешь, Настя, у меня сейчас такое чувство, что половине города вдруг стал нужен погреб. Причем именно мой.

Решив не вдаваться в подробности, кто еще вдруг начал охотиться за Анькиным погребом, я приказала ей завести будильник на семь утра. Лично приду и вытряхну ее из постели!

Не успела я положить трубку, как телефон затрещивил.

– Настя, – горестно сказал Миша, – я с Лелькой поссорился.

– Что, все так плохо? – Теперь меня до конца моих дней будет мучить совесть.

– Не знаю. То есть это она поссорилась. Только что ушла. Сказала, что насосем.

* Эрнест Говард Шеппард – английский художник-иллюстратор, современник А. Милна.

** Джон Тенниел – английский художник

ник-карикатурист (журнал «Панч»), первый иллюстратор «Алисы».

*** Поль Гюстав Доре – французский график и живописец.

**** Морис Лелуар – живописец, акварелист, гравер, книжный иллюстратор, художник театра и кино, писатель, вершиной творчества Лелуара признана книжная графика.

***** Мэри Рено (Эйлин Мэри Чэлленз) – автор исторических романов, в основе которых история и мифы Древней Греции.

Глава 17

Что было в погребе

Давно я не вспоминала студенческую юность и не проводила ночей без сна. Но сегодня охотничий азарт не давал мне даже глаз сомкнуть. Решив, что не имеет смысла ложиться спать сейчас, я села перед телевизором и вся изъёрзалась на месте, пытаясь смотреть какой-то фильм.

Недовольную Аньку я вытрясла из постели в половине седьмого. Одеваясь и выходя за мной на ноябрьский холод, она, бедняга, не переставая канючила. Но я была неумолима – мы идем смотреть погреб прямо сейчас – и точка.

Оказавшись на пустыре за старым панельным домом, я очень остро почувствовала, насколько красота Валерия не соответствует овощегиолищу, которое собиралась покупать. Или, вернее, Анькин погреб – наименее подходящая покупка для такой фифы. Я должна была заподозрить ее сразу!

– Осторожно, под ноги смотри! – предупредила Анька, спускаясь вслед за мной по приставной деревянной лесенке вниз. Ох, давненько я не занималась подобной акробатикой!

– Ну и что ты хотела здесь увидеть? – ехидно спросила моя подруга, пока я озиралась кругом.

Утоптанной посеревший пол, несколько сухих листьев, просочившихся сюда с осени, уже потемневшие стружки после ремонта, который учинил Анькин отец. И еще кое-какой мусор, но не очень много. Видно было – погребом давно никто не пользовался. Я держала в руках маленькую саперную лопатку, которую предусмотрительно захватила у Аньки дома. Я стала осторожно обстукивать стены и пол, пока не наткнулась на то, что ожидала: под моими ногами раздался деревянный стук. Все той же лопаткой я осторожно сняла небольшой слой утопанной земли. Под ней оказалась широкая доска – скорее всего, столешница от старого стола. Вдвоем с Анькой мы подняли ее и в акуратной ямке увидели небольшой метал-

лический ящик, который на проверку оказался весьма тяжелым.

– Он заперт, – сообщила мне Аня.

– С этим я справлюсь.

Если бы я захотела, то наверняка сделала бы карьеру медвежатника. Нет таких замков, которые я не могла бы открыть. Было бы желание и повод, а в качестве отмычки годится все что угодно – шпильки, отвертки, гвозди, посторонние, подходящие по размеру ключи, стамески и даже вязальные крючки, если они, конечно, не пластмассовые. Сейчас в руках у меня была тяжелая лопатка из закаленной стали. Плоский внешний замочек я срезала со второго удара и приготовилась открыть железную «шкатулку».

– Это взлом, – попыталась предупредить меня Аня.

– Мы у тебя в погреб, – спокойно ответила я. – Имеем право рассматривать любую находку.

Мы подняли железную крышку. В этот момент что-то хлопнуло, и в погреб стало темно, как... ну, как в погреб. Я ринулась вверх по хлипкой лесенке, мигом забыв про все свои фобии. Снаружи кто-то проворно грохнул железным засовом. Ни на что не надеясь, я ударила ладонями в люк. Заперто. Анькин отец, к сожалению, сделал все на совесть – скотил дверцу из толстых досок, а сверху сделал надежный засов, запираемый на внушительный висячий замок.

– Настя, ты где? – жалобно позвала из темноты Анька.

– Тут... – я вздохнула и начала спускаться. Не загреметь бы! Я хлопнула себя по лбу.

– Ты чего?

– По крайней мере, свет у нас есть! – с торжеством сказала я и включила фонарик. – Открывай этот чертов ящик, хочу видеть, что там.

«Там» было на что посмотреть. Мы с Анютой примерно на час забыли обо всем на свете. Такое мы видели только в Эрмитаже – под стеклом и на расстоянии вытянутой руки. А тут все можно было потрогать и даже примерить на себя. Наконец первые восторги подували.

– Как же нам все-таки выбраться? – уныло пробормотала Анька. – Камни, понятно, чудесные, но я ведь есть хочу...

– Ну, не в лесу же мы. Кто-нибудь пойдет мимо, мы покричим-постучим...

– Пойде-е-ет...

– Ты чего?

– Мы ж не во дворе. А сегодня еще и воскресенье. Народ дрыхнет до обеда.

– Ну, понадеемся, что кто-нибудь собаку гулять потащит. Или кошку искать попретяся. Ты чего, Аня?! Дом-то в двух шагах, полно людей! Кстати, я пить хочу.

что-то, но вынужденное заточение причиняло определенные неудобства. Я как-то разом поняла, что сильно устала, что у меня ноет спина. (Еще бы! Я полночи ползала на коленках по карте, разложенной на полу!) Да и пить хотелось все сильнее.

– В любой ситуации есть две стороны.

– Плохая и хорошая? – проворчала Аня.

– Ага.

– И какая же у нас хорошая?

– Во-первых, мы сидим на драгоценностях, которые стоят больше, чем все соседние дома. А во-вторых...

– Ну-ну?

– Во-вторых, ни у кого из нас нет клаустрофобии.

– Это радует, – ехидно заметила Анька. – Хотела бы я знать, кто нас закрыл.

Кроме Димы, больше никому, подумала я. Интересно, как он узнал, что я побегу сюда сегодня утром? А мой милый не такой уж дурак, надо отдать ему должное. Интересно, когда он начал меня подозревать? Раньше, чем я его?

– Слушай, у меня под ногами мокро.

– Брось.

– Серьезно, посвети.

Я повернула фонарик Аньке под ноги. Действительно, вода. Под моими ботинками уже тоже всюю хлопало.

– Тут трасса проходит рядом, – пронзительно сказала Анька.

Вот черт! А трубы, как всегда, гнилые! Утопить меня в погребе – на такую гадость способен только Димка! Следующие полчаса мы с Аней по очереди поднимались по хлипкой лесенке и принимались кричать и стучать лопаткой. Все напрасно. Наверху не было ни единого человека. Вода поднималась все выше и была просто как лед. Ноги у меня промокли уже до колен, и зуб на зуб не попадал, когда сверху неожиданно раздался грохот. Потом дверца погреба, слетевшая с одной петли, откинулась назад.

– Настя!

– Мы здесь!

Черт возьми, кажется я все-таки немножко влюблена в этого Мишку! Как он вовремя всегда появляется!

– Поднимайтесь, я придержу лестницу.

– Сперва забери ящик.

– Какой еще ящик?

– Миша, я нашла его!

– Кого?

– КЛАД! ТОТ САМЫЙ!!!

Могу поклясться чем угодно – Миша решил, что я спятила. Когда он вытащил наружу Аньку, а я заявила, что согласна утонуть, только пусть мне дадут по крайней мере разглядеть все эти сокровища при дневном свете, Миша чертыхаясь

полез вниз. Я, стоя по колено в ледяной воде, обнималась с тяжеленным железным ящиком. Представляю, как я в тот момент выглядела! Чумазая, растрепанная и, как потом выяснилось, в сверкающих рубиновых сережках, которые забыла снять. Моя решительность убедила Мишу, и он поволок ящик на поверхность. Я вылезла следом и увидела, кто нас освободил, – ноги сидящей Аньке растирал очень толстый и очень гордый собой уроженец южной Германии.

При виде Вернера я так растерялась, что пролетела по-русски:

– Ты же уехал!..

* * *

Драгоценности мне не только дали разглядеть, но и сфотографировать со всех сторон. Судя по описи, которую бывшая балерина любезно составила на форзаце «Трех мушкетеров», в коллекции сокровищ не хватало шести предметов. В том числе и изумрудного браслета из сорока камней, о котором я грезила в гостях у несостоявшегося ювелира. Дима действительно начал реализовывать находку по частям.

Миша все-таки не зря работал юристом. Даже после грандиозной ссоры с любимой женщиной он не забыл о том, что я что-то замышляла, и наутро решил проверить, дома ли я. Меня, конечно же, дома не оказалось, а любезная соседка, старушка, которая, сдается мне, жила, приклеившись одним глазом к дверному глазку, сообщила Мише, что я убежала «еще затемно». Это встревожило Мишу, и он решил меня поискать. Начал с Аньки, которой тоже не оказалось дома. У моих родителей Миша наткнулся на Вернера, который заглянул в наш город буквально на пару дней – перед окончательным отлетом на родину. Немцу очень хотелось со мной повидаться, и он все удивлялся, что не застал меня дома рано утром в воскресенье. Он еще не знал, на что я способна!

Вместе Миша с Вернером кинулись искать меня и Аньку где только можно. Вскоре выяснилось, что Анька ни свет ни заря разбудила свою бабушку только затем, чтобы забрать у нее связку ключей. Через несколько минут бабуля припомнила, что в связке были ключи от давно не используемого погреба. Наши кавалеры кинулись на пустырь, и Вернер сгоряча начал сбивать дверцу с петель, пока не заметил, что замок на засове не заперт.

Тут у меня в голове все прояснилось по-настоящему. Дима не мог запереть засов. У него не было нового ключа. Да, поначалу, еще летом, он все задумал прекрасно: Миша сплавил на Алтай, а сам устроил в ее заброшенном погребе тайни-

чок. Идеальное место, если вдуматься – ну кому придет в голову, что тут может лежать целое состояние? А парень в старой куртке, который спокойно среди бела дня забирается в погреб, ни у кого подозрений не вызовет – разумеется, это хозяин.

А потом все пошло наперекосяк. Анька обнаружила пропажу ключей – и пошло-поехало. Замок сменили, а потом и дверь новую навесили. Дима, конечно, мог ее выломать, но это означало бы, во-первых, навлечь на себя подозрения – кругом-то дома и люди, вмиг в милицию позвонят, а во-вторых, лишиться прекрасного тайника. Он решил выкрасть у Аньки новые ключи, но все попытки заканчивались неудачей. Аньку пытались устранить (на время или радикально) самыми разными способами. Даже под поезд толкнули. Бедный Дима не знал, что ключи Аня отнесла своей бабушке! И только совсем отчаявшись, он решил купить проклятый погреб и внушил Аньке идею продать его. А в качестве покупателя приволок Валерию...

* * *

Купание в ледяной воде не прошло для нас всех даром. Воспалением легких, к счастью, никто не заболел, но с простудой свалились все трое. Лелька целых две недели, пока я болела, ни разу даже не позвонила, из чего я сделала вывод, что придется мне самой идти к ней просить мира, хотя боялась я ужасно. Мишу со времени выживания из погреба ящика с сокровищами я тоже больше не видела. Нас с Анькой, как лиц нашедших клад, состоящий из исторических ценностей, ждала грандиозная премия. Я даже подумать пока боялась, что стану делать с такими деньгами. Может, заказать себе... например, браслет из изумрудов, который я никогда не смогу носить? Или уйти в отпуск на целый год? Правда, работу такую хорошую терять жалко. Когда еще подвернется что-нибудь подобное? И дело, знаете ли, даже не в зарплате, как я недавно поняла.

Вернер, оказывается, заехал в наш город, чтобы снова попытаться сделать мне предложение. Я очень вежливо отклонила его, а потом долго плакала в аэропорту – ясно было, что больше я своего замечательного немца никогда не увижу.

Аня же, отболев свои две недели, вылетела в США. После нашего с ней заточения в погребе Джек ворвался в посольство злой, как тысяча пауков, и закатил такой скандал – в Америке было слышно. Мол, в этой стране его невеста подвергается серьезной опасности.

Дима же растаял, как дым, и был объявлен в розыск по всей стране.

В конце декабря в нашем квартале обязательно случаются какие-нибудь аварии. Это уж как по писаному: если праздник – жди беды. В прошлом году тридцать первого декабря я проснулась утром и обнаружила полное отсутствие воды. Вообще любой. В этом году дышащие на ладан коммуникации сдохли двадцать второго числа. Я как раз сидела дома и составляла список «чего купить на новый год», когда весь квартал погрузился в крошечную тьму. К счастью, крошечный китайский фонарик я не утопила у Аньки в погребе. С его помощью мне удалось разыскать свечки и шерстяную шаль. Обогреватель быстро остывал, а на улице стоял сильный мороз, с которым центральное отопление справиться не могло.

Списки покупок у меня все время получаются довольно оригинальными. Я их составляю, как правило, не по тематическому принципу, а по топографическому. То есть припоминаю магазины, в которые могу зайти, и перечисляю покупки. В итоге получаются записки сумасшедшего, где новое белье соседствует с чистящим средством для унитаза, а подсвечники – с корицей. Закончив свой труд при свете свечей, я поплотнее закуталась в старый платок и принялась вспоминать приметы на холодную погоду.

И тут постучали в дверь.

– Еле добрался, – сообщил из тьмы египетской Мишин голос, когда я наконец разыскала на ощупь все замки. – Вы чего это вполтамах сидите?

– Традиция у нас такая, – проворчала я, пропуская его в квартиру.

– Прохладно у тебя.

– Да. Сижу вот, лысых считаю. Как думаешь, Федора Бондарчука можно включить в список знакомых лысых или не надо?

Миша, похоже, не знал, как отреагировать на столь неожиданный вопрос, и я поспешила объяснить:

– Примета есть такая: если на улице мороз, то надо припомнить двенадцать знакомых лысых. Назвать их полностью, по имени-отчеству и фамилии. Причем двенадцатого надо выбрать вообще гладкого, как коленка. На нем мороз лопнет.

Миша хмыкнул:

– Никогда не слышал.

– Дарю.

Он немного помолчал и заговорил снова:

– Я вот чего, Диму твоего поймали.

– Где?

– Уже в Польше. У него на такой случай и деньги были, и новый паспорт припасен. Как запер вас с Аней, так сразу и

ходу. Хорошо хоть, полские власти решили с нами сотрудничать.

– Как свидетель выступать я не буду! – быстро сказала я.

– Хорошо, – покладисто согласился Миша, – выступай как пострадавшая. Ему и так целая пачка статей светит, одной больше, одной меньше...

– Это он убил своего директора? – тут же поинтересовалась я. – И того, другого, отравил?

– Александра Ефремовича убил не он. Был у него все-таки помощник.

– Кто?

– Тот самый специалист по сейфам. Он ведь когда-то попадал в тюрьму по уголовному делу, ну потом вроде как одумался, стал работать честно. Использовал свои таланты по части открывания замков. Да видно, не до конца раскаялся. Соблазнил его Дмитрий легким богатством.

– Его тоже поймали?

– Да, он в пригороде все это время прятался. Боялся все, как понял, что Дима и его убить может. Рассказал про все случаи с твоей Аней – и про лифт, и про поезд... Теперь лет через десять как минимум выйдет.

– То есть это он Димкиного директора убил?!

– Да. И ни за что не догадаешься, как. С крыши спустился. Окно было открыто прямо за спиной у Александра Ефремовича.

– А за что они его?

– Да видишь ли, Александр Ефремович был друг того, другого, владельца книги «Три мушкетера». Дмитрий первый прочитал записку на форзаце и предложил поискать. Двоем. Тот Диму высмеял – тоже мне, Том Сойер нашелся! Тогда Дима и нанял бывшего уголовника. А когда они клад все-таки нашли, твой жених промолчать не мог. Пришел, похвастался. Вот тогда двое директоров и решили шантажировать его. Чтоб поделиться.

– Глупый он. Сдал бы клад по закону.

– Эх, Настенька... Не знаешь ты еще, до чего людей жадность доводит. Он на допросах так и сказал – пока искал, ду- мал, сдаст. А как увидел все это...

Как все-таки хорошо, что я художница! Открыв тайник в Анькином погребке, я думала не о стоимости найденных богатств, а только об их красоте. А браслет изумрудный Димка все-таки угробил! Никогда ему не прощу!!!

– Насть... – осторожно позвал Миша, и я очнулась от своих мыслей. – Я с Лелькой помирился.

Стараясь придать своему голосу нейтральное звучание, я сказала:

– Ну и хорошо. Дай вам бог... Может, и меня она наконец простит.

– Нет. Ты не поняла. Мы расстались. Решили, что слишком разные. Не получается у нас, в общем. А тебя она давно простила. Только боится с тобой разговаривать.

Нет, ну это ж надо!

– Жалко ее.

– Нет, – улыбнулся Миша, – не жалко. Виталья ее сегодня в театр повел.

– Ого! Надеюсь, он знает, что Лелька любит?

– Знает. Я ему шепнул. По дружбе... Я вот думаю, может, ты оденешься, и мы с тобой тоже куда-нибудь сходим? Лысых-то можно хоть до утра считать, веселее от этого не станет.

Ладно. Муки совести отложу на потом. И вообще, надо ли мучиться?

– А форма одежды какая? – осторожно спросила я.

– Вечернее платье не обязательно, – заверил меня Миша. – Но все-таки, знаешь, оденься поприличнее. Пойдем репетировать праздничное настроение. Я сегодня премию новогоднюю получил, так что могу себе позволить...